

18+

УИЛЪЯМ ЛЕ КЕ

ШПИОНЫ
КАЙЗЕРА

Уильям Ле Кё
Шпионы Кайзера

«Издательские решения»

Ле Кё У.

Шпионы Кайзера / У. Ле Кё — «Издательские решения»,

«Шпионы кайзера» — сборник шпионских рассказов Уильяма Ле Кё о тайной борьбе британской контрразведки с германской агентурой накануне Первой мировой войны. Военные секреты, похищенные документы, скрытые радиостанции, слежка, переодевания и погони превращают привычную Англию в пространство невидимой войны. Один из характерных памятников раннего шпионского триллера.

© Ле Кё У.

© Издательские решения

Содержание

Шпионская коллекция	6
Читальня	6
Галерея	7
ЕСЛИ БЫ АНГЛИЯ ЗНАЛА	8
УГРОЗА АНГЛИИ	11
КТО ПРАВ?	11
СЭР ЭДУАРД ГРЕЙ	12
КНЯЗЬ БЮЛОВ	13
ЧТО ГОВОРIT КАЙЗЕР	14
ШПИОНЫ КАЙЗЕРА	15
КАК БЫЛИ ПОХИЩЕНЫ ПЛАНЫ РОСАЙТА	15
ТАЙНА БЕСШУМНОЙ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ	27
ЧЁРНЫЙ ХОД В АНГЛИЮ	39
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Шпионы Кайзера

Уильям Ле Кё

Переводчик А. Владимирович

Дизайнер обложки А. Владимирович

© Уильям Ле Кё, 2026

© А. Владимирович, перевод, 2026

© А. Владимирович, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-2264-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Шпионская коллекция

Читальня

Бакен Д. Охотничья башня
Мьюр Р. Тайна старой усадьбы
Ле Кё У. Шпионы кайзера
Бакен Д. Замок Гай
Уайт Ф. М. Романтика фонда Секретной службы
Клоустон С. Шпион в черном
Бидинг Ф. Семеро спящих

Галерея

Валентайн Уильямс: от шпионского романа к детективу
Провалы и катастрофы Слау-Хауса

ЕСЛИ БЫ АНГЛИЯ ЗНАЛА

Ни один здравомыслящий человек не станет отрицать, что Англии грозит серьёзная опасность германского вторжения, причём в не столь отдалённом будущем.

Я постарался со всей наглядностью предупредить общество об этой угрозе в своей недавно опубликованной книге-прогнозе «Вторжение 1910 года». Её выход как в Англии, так и в Германии вызвал бурю негодования в мой адрес.

Как, вероятно, помнит читатель, правительство пыталось воспрепятствовать публикации книги, поскольку в ней содержалось немало неприятных истин, которые сочли нужным скрыть от общества. Когда же книга всё-таки вышла — вопреки заявлениям, прозвучавшим в палате общин, и давлению, которое оказывал на меня премьер-министр, — меня объявили человеком, намеренно сеющим панику.

Но разве некоторые из моих предостережений уже не сбылись?

Я вовсе не стремлюсь вызвать необоснованную тревогу. Я англичанин и, надеюсь, патриот. Всё, что изложено в этой книге в художественной форме, основано на серьёзных фактах, известных мне лично.

Власти прекрасно знают, что германские шпионы ведут в Великобритании активную работу. Считается, что в настоящее время среди нас действуют более пяти тысяч агентов германской тайной полиции, выполняющих задания разведывательного управления в Берлине. Каждому из них, так называемому постоянному агенту, поручено добыть определённую тайну либо собирать в отведённом ему районе любые сведения, которые могут оказаться полезными захватчикам после высадки.

Работу постоянного агента, в свою очередь, контролирует координатор. Он регулярно навещает своего подчинённого, ставит перед ним задачи, забирает отчёты и выплачивает ежемесячное вознаграждение — обычно от десяти до тридцати фунтов, в зависимости от общественного положения шпиона и характера выполняемой им работы.

Сами агенты далеко не всегда являются немцами. Нередко это бельгийцы, швейцарцы или французы, занятые в самых разных профессиях и ремёслах. В управлении тайной полиции каждый из них известен лишь под номером, и поступающие от него ежемесячные донесения подшиваются в дело, обозначенное тем же номером. Раз в полгода проводится своего рода проверка, после которой наиболее успешно действовавшим агентам выплачивают денежные премии.

Вся сеть германских шпионов в Англии подчиняется известному сотруднику германской тайной полиции, находящемуся в Лондоне. От него разъездные агенты получают распоряжения, которые затем передают постоянным агентам, разбросанным по всей стране.

Сейчас передо мной лежит папка с поразительными документами. Они ясно показывают, с какой лихорадочной энергией этот передовой отряд нашего противника добывает для своих руководителей самые подробные сведения. Документы уже были переданы военному министру, однако он вернул их без единого замечания.

Он знает правду и не может отрицать её перед лицом столь убедительных свидетельств.

Нередко можно услышать, будто немцам нет нужды создавать в Англии шпионскую сеть, поскольку они могут купить наши государственные топографические карты всего за шиллинг. Но разве на этих картах указано количество лошадей и повозок в каждом районе, запасы продовольствия и фуража, наиболее удобные способы разрушения мостов, расположение телеграфных и телефонных линий, а также пункты, с которыми они связаны? А ведь все эти сведения имеют для захватчика жизненно важное значение.

Именно такую информацию, наряду со множеством других данных, шпионы ежедневно отправляют в Берлин в тщательно подготовленных отчётах. Туда же поступают сведения обо

всех подробностях нашего вооружения, оборонительных сооружений и новейших изобретений.

В течение последних двенадцати месяцев я при содействии одного известного сотрудника сыскной полиции лично расследовал деятельность этих агентов и сам факт их присутствия в нашей стране. Мне пришлось много путешествовать, постоянно сохранять бдительность и порой терпеть немалые неудобства. Я убеждён, что в сложившихся обстоятельствах Англия должна создать собственную систему контрразведки, как это уже сделано во Франции.

По понятным причинам я не называю подлинных имён и точных дат. Поэтому мне пришлось, рискуя снова прослыть человеком, распространяющим страшные слухи, представить факты в форме художественного повествования. Надеюсь, его патриотический смысл будет понятен без дополнительных объяснений.

В середине 1908 года полковник Марк Локвуд, представлявший в парламенте округ Эппинг, выступил с весьма серьёзным предупреждением. Он задал военному министру, а затем и премьер-министру вопросы о деятельности германских шпионов в Норфолке, Саффолке, Эссексе и других районах страны.

Локвуд указал, что в течение двух предшествующих лет эти люди, действуя по тщательно разработанному плану, делали зарисовки, фотографировали и составляли подробные записи по всей Восточной Англии.

Он справедливо заявил, что столь организованная система шпионажа может преследовать лишь одну цель — подготовить внезапное нападение на наши берега. Подготовить «День», как говорят в Германии, — день вторжения в Англию.

Ответы министров Его Величества оказались уклончивыми и бесцветными. Более того, оба фактически признали, что не в состоянии справиться с положением.

Судя по всему, действующие законы позволяют иностранному шпиону беспрепятственно разъезжать по стране и готовить гибель Англии, тогда как мы при первых признаках надвигающейся опасности, словно страус, прячем голову в песок.

Давно прошли времена, когда один англичанин якобы стоил десяти иностранцев. Современная военная наука всё изменила. Все стрелковые клубы Англии не смогут остановить даже один германский батальон. Германские солдаты обучены, дисциплинированы и владеют военным делом, тогда как участники наших стрелковых обществ не имеют ни настоящей подготовки, ни воинской дисциплины.

Даже если каждый здоровый мужчина в королевстве вступит в стрелковый клуб, это ничуть не приблизит нас к решению задачи: как разбить германскую армию, если она высадится на нашем берегу. С таким же успехом можно было бы собрать всех зрителей, пришедших на футбольные матчи по всей Британии, и направить их против иностранного противника.

Идея территориальной армии — опасное заблуждение. Двухнедельные летние лагеря на морском побережье больше похожи на пикники, чем на военную службу. Нельзя за четырнадцать дней в году овладеть искусством судовождения, инженерной наукой или ремеслом плотника. Нельзя за это время научиться и воевать.

В ответ нам неизменно напоминают о могуществе британского флота. Но действительно ли он так силен, как уверяют правители уже давно введённое в заблуждение общество?

Ещё совсем недавно, 29 марта 1909 года, сэр Эдуард Грей, отвечая в палате общин на вотум порицания, предложенный господином Бальфуром, был вынужден признать:

«Германская программа создаёт совершенно новое положение. После её завершения Германия — великая держава, находящаяся совсем рядом с нашими берегами, — будет располагать флотом из тридцати трёх дредноутов. Это будет самый мощный флот, какой когда-либо существовал в мире. Тем самым мы оказываемся перед необходимостью полностью перестроить собственный флот. Таково нынешнее положение».

Германия пока остаётся нашим другом. Но князь Бюлов теперь открыто признаёт, что телеграмма кайзера президенту Крюгеру была не личной прихотью монарха, а проявлением государственной политики.

Так что же может произойти завтра?

Уильям Ле Ке

УГРОЗА АНГЛИИ

КТО ПРАВ?

СЭР ЭДУАРД ГРЕЙ

Из выступления в палате общин 29 марта 1909 года:

Нас официально уведомили — пока устно, но вполне определённо, — что Германия не намерена ускорять выполнение своей военно-морской программы и к концу 1912 года будет располагать лишь тринадцатью кораблями типа «Дредноут», включая крейсера.

КНЯЗЬ БЮЛОВ

Из выступления в рейхстаге 29 марта 1909 года:

Великобритания ни разу не выдвинула предложений, которые германское правительство могло бы счесть приемлемой основой для переговоров. Германия полагает, что вопрос об ограничении вооружений не относится к числу практически осуществимых политических задач.

ЧТО ГОВОРIT КАЙЗЕР

Его Императорское Величество германский император заявил:

«Среди значительной части среднего и низших слоёв моего народа преобладают настроения, отнюдь не дружественные по отношению к Англии».

Daily Telegraph, 28 октября 1908 года

ШПИОНЫ КАЙЗЕРА

КАК БЫЛИ ПОХИЩЕНЫ ПЛАНЫ РОСАЙТА

— Но если новые планы нашей военно-морской базы в Росайте уже попали в руки немцев, я не понимаю, что мы теперь можем сделать, — заметил я. — Какой смысл запирать конюшню, когда лошадь уже украли?

— Именно так мы в Англии обычно и поступаем, дорогой Джек, — ответил мой друг. — Мы до сих пор воображаем, будто один англичанин стоит десяти иностранцев, как во времена Веллингтона. Но вспомни англо-бурскую войну и то, какой ценой — в личном составе и деньгах — нам обошлось наше постыдное невежество. Как я объяснял вчера вечером в Лондоне, первоначальные планы Росайта стали известны уже какое-то время назад и даже были опубликованы в нескольких газетах на континенте. После этого лорды Адмиралтейства распорядились подготовить новые планы и утвердили их. Райтмейер сообщил моему отцу, что один из этих документов уже находится в руках Германии.

— Но разве Райтмейер не немец? — спросил я.

— Он получил британское подданство, — ответил мой друг Рэй Реймонд, глубоко затягиваясь трубкой и лениво вытянувшись перед камином в гостинной гостиницы. — Именно он передал отцу значительную часть сведений, на которых тот основывал свои вопросы в палате общин.

— Правительство отказалось признать, что в Англии действуют германские шпионы.

— Да, Джек. Поэтому я и приехал сюда, на Ферт-оф-Форт. Я поставил перед собой задачу доказать, что германские тайные агенты уже сейчас активно работают среди нас. Я намерен подтвердить заявления отца и, раскрыв методы этих любопытных, заставить правительство принять новые законы, которые позволят властям бороться с ними. Сейчас шпионы могут делать в Англии всё, что пожелают, а закон бессилён им помешать.

Я стоял спиной к камину и смотрел на друга. Он, как и я, был адвокатом, и мы делили довольно мрачную контору в Нью-Стоун-Билдингс, в Линкольнс-Инн. Правда, ему ни разу не пришлось заниматься практикой, тогда как мне, к сожалению, приходилось.

Сидя в кресле и вытянув к огню длинные худые ноги, он выглядел типичным молодым англичанином спортивного склада. Ему было около тридцати. Гладко выбритый, стройный и крепкий, с умным, слегка орлиным лицом, весёлыми серыми глазами и коротко подстриженными светло-каштановыми волосами, он производил самое приятное впечатление.

Рэй был отличным другом, хотя жизнь с самого начала обходилась с ним немилосердно. Он был старшим сыном сэра Арчибалда Реймонда, баронета, известного кардиффского углепромышленника и депутата от Восточного Кармартена. Мы вместе учились в Баллиол-колледже, вместе готовились к экзаменам и теперь делили те самые унылые лондонские комнаты. Впрочем, жил Рэй в уютно обставленной квартире на Брутон-стрит, тогда как я, одинокий холостяк, снимал комнаты неподалёку, на Гилфорд-стрит в Блумсбери.

На предстоящих выборах Рэй должен был баллотироваться от Западного Ратленда, и его партия возлагала на него большие надежды. Однако долгожданные всеобщие выборы всё откладывались, и он с похвальным патриотизмом занялся большим вопросом о деятельности германских шпионов в Англии — вопросом, от которого и премьер-министр, и военный министр предпочитали легкомысленно отмахиваться.

Рэй намеревался по возможности сорвать их планы и одновременно показать обществу, в каком опасном заблуждении мы живём, тогда как «День» — как называют его в Германии — стремительно приближается. День вторжения в Великобританию.

...миль к северо-востоку от верфи. Полузакрытый редут для пехоты. По углам — площадки для пулемётов. На дне рва — ограждение из кованого железа.

Г на плане. Форт «Ферри-Хиллз». Земляные и бетонные укрепления. Очень глубокие рвы, защищённые галереями в контрэскарпе и каменным капониром. Казематирован. Предполагаемое вооружение: два орудия калибра 9,2 дюйма и шесть орудий калибра 7,5 дюйма. Под контрэскарпом — железная заградительная решётка.

Н на плане. Очевидно, предназначен для действий против миноносцев и эсминцев. Рассчитан на десять скорострельных четырёхдюймовых орудий. Железное ограждение во рву хорошо укрыто от обстрела с моря. Горжа закрыта каменной стеной с двумя рядами бойниц для ружейного огня и защищена капонирами с пулемётами.

I. Крупное и мощное укрепление, вооружённое...

Отрывок из перевода донесения германского шпиона о новой военно-морской базе в Росайте.

После того как сэр Арчибалд задал в палате общин вопросы, содержание которых большинство читателей, вероятно, ещё помнит, он получил множество писем с сообщениями о присутствии иностранных агентов. Будь эти письма опубликованы, они наверняка произвели бы сенсацию.

За последние два месяца мы с Рэем тщательно проверили большую часть этих сведений непосредственно на местах. Обнаруженная информация поразила и встревожила нас обоих. Мы получили доказательства того, что в некоторых восточных графствах шпионы совершенно открыто собирают самые разные данные, которые в случае вторжения оказались бы для противника бесценными. И при этом начальникам полиции этих графств из центра было фактически приказано не обращать внимания на действия подозрительных иностранцев.

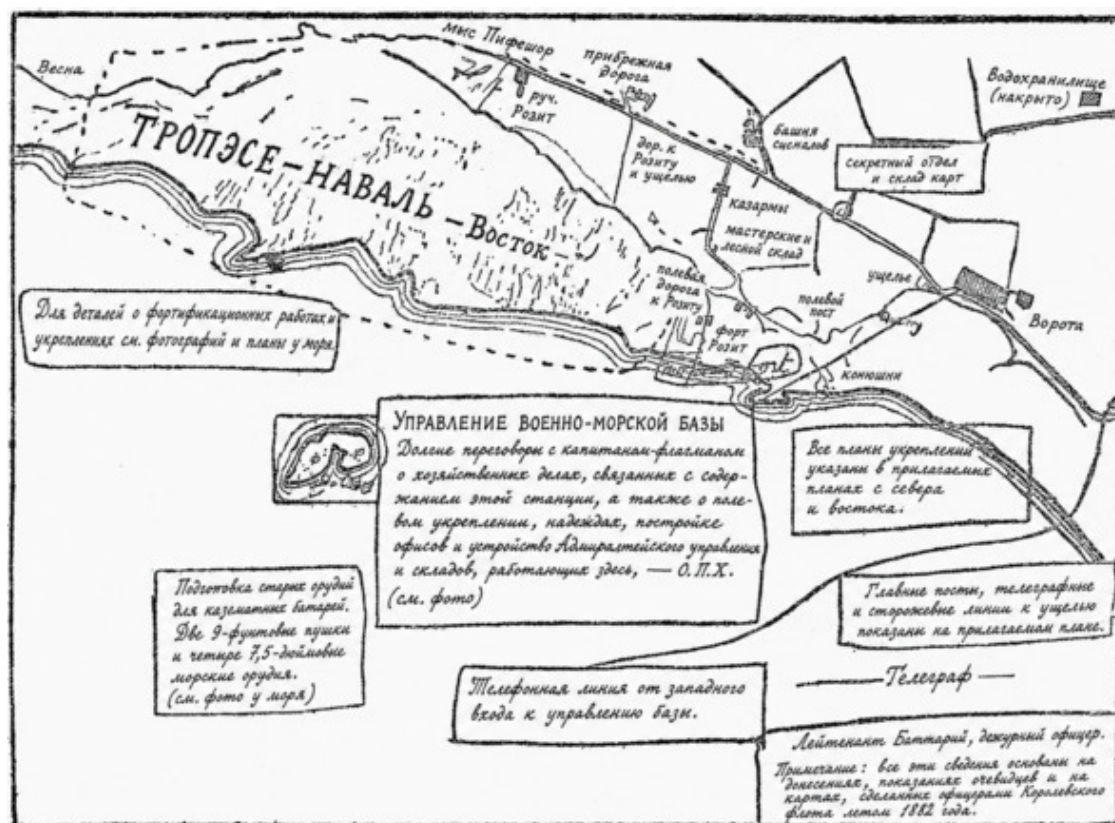
В расследование, за которое Рэй Реймонд взялся с таким воодушевлением и о котором мне теперь разрешено рассказать на этих страницах, он посвятил лишь двух человек: меня и Веру — красивую светловолосую дочь вице-адмирала сэра Чарльза Вэлланса, начальника Портсмутской верфи. Она была его невестой.

С самого начала я подозревал, что именно Вера подтолкнула его к действию. Она обещала помогать ему и убедила, что, следя за шпионами и разоблачая их, он сможет оказать важную услугу королю и стране.

В тот день мы прибыли из Лондона на вокзал Кингс-Кросс уже в сумерках. Оставив багаж у швейцара отеля «Норт-Бритиш» в Эдинбурге, мы с вокзала Уэверли отправились в Далмени. Там спустились по сотне с лишним ступеней к уютной гостинице «Хоуз-Инн», стоявшей у самой воды, и поужинали.

Затем старый паром перевёз нас на противоположный берег, в Северный Куинсферри. Мы устроились в довольно скромной гостинице маленькой гостиницы «Альберт», прямо под гигантскими пролётами моста через Ферт-оф-Форт, и теперь отдыхали, покуривая трубки.

За окнами стояла тёмная ноябрьская ночь. Порывистый ветер нёс мелкий дождь. В комнате было тепло и уютно. Огонь в камине бросал красные отблески на старинный буфет из красного дерева, заставленный множеством фарфоровых безделушек, и на два длинных стола, покрытых красными скатертями.

Фрагменты карты новой военно-морской базы в Росайте, обнаруженные у немецкого шпиона (Заметки переведены с немецкого).

Ещё с детства я, Джон Джеймс Джейкокс, присяжный адвокат, увлекался расследованиями. Поэтому прекрасно понимал, что начатое нами дело даст богатую пищу для размышлений и, скорее всего, не обойдётся без приключений.

Я тщательно протирал золотое пенсне, всё ещё не понимая, зачем Рэй привёз меня сюда, если немцы уже успели нас перехитрить и добыли копию по меньшей мере одного из планов. Вдруг мой друг взглянул на дешёвые американские часы, стоявшие на каминной полке, объявил, что нам пора, быстро надел пальто и нахлобучил мягкую фетровую шляпу. Было без четверти десять.

Мы поднялись по короткой крутой улице, едва различимой в темноте, и миновали почту Северного Куинсферри. Рядом с ней Рэй неожиданно остановился и заглянул в тёмный переулок, отделявший почту от гостиницы «Роксбург».

В переулке стоял невысокий толстый телеграфный столб, на котором сходилась около шестидесяти проводов. Они тянулись с севера, соединялись здесь в единый кабель и уходили под воды Форты, ширина которого в этом месте достигала почти мили.

Провода явно заинтересовали Рэя. Подняв голову, он заметил ещё одну линию, протянутую выше остальных. Она пересекала улицу и уходила влево. Рэй направился следом, а я пошёл рядом.

Дорога оказалась извилистой. Вместо того чтобы подниматься на крутой холм, изрезанный многочисленными каменоломнями и служивший опорой для гигантского моста, она огибала устье реки с западной стороны. Мы миновали несколько маленьких серых домиков. Сады некоторых из них, казалось, спускались прямо к широкой воде, над которой мерцали огни маяка Бимер, Далмени, моста и Южного Куинсферри.

Дождь прекратился. Луна медленно выбиралась из-за тяжёлой гряды облаков, и вокруг возникла удивительная игра света и теней.

Поведение Рэя Реймонда, однако, оставалось для меня загадкой. Проходя мимо каждого телеграфного столба, он доставал из кармана маленький электрический фонарь и внимательно осматривал древесину на высоте примерно чуть ниже двух метров от земли.

Он успел изучить таким образом не меньше пятнадцати или шестнадцати столбов, прежде чем на одном из поворотов дороги обнаружил, по всей видимости, то, что искал. Столб стоял вплотную к узкой тропинке. Рэй принялся разглядывать его через лупу, и моё любопытство тоже проснулось. Но я увидел лишь три маленьких отверстия от буравчика, расположенные треугольником на почерневшем от смолы дереве. Расстояние между ними составляло около десяти сантиметров.

— Сосчитай провода, Джек, — сказал он. — По-моему, их двадцать шесть. Я не ошибся? Я пересчитал. Он был прав.

Несколько мгновений Рэй молча стоял, задумчиво глядя на раскинувшуюся перед ним бухту Сент-Мargarетс-Хоуп.

Затем мы двинулись дальше. По пути он осматривал каждый следующий столб, пока мы не спустились к Ферри-Толл, где шоссе и телеграфная линия поворачивали направо, к Данфермлину.

Мы выбрали левую дорогу, шедшую вдоль берега рядом с телефонными проводами. Миновали несколько причалов, вышли к мысу Лимпет-Несс и ещё около двух миль шли вдоль воды, освещённой луной.

Наконец впереди неожиданно показалось длинное здание из рифлёного железа. Оно стояло в стороне от дороги, лицом к заливу, и было окружено высокой железной оградой с острыми пиками. Вход располагался посередине, а по обе стороны от него тянулось по девять высоких окон. Чуть дальше виднелся небольшой одноэтажный домик, очевидно предназначенный для смотрителя.

— Вот он, пресловутый Росайт, — сказал мой друг, не замедляя шага. — Здесь находятся помещения Адмиралтейства. Именно отсюда была выкрадена копия плана.

— Место довольно уединённое, — заметил я.

— Там, за разрушенным замком на скалах, где родилась мать Оливера Кромвеля, и будет построена новая военно-морская база. С другой стороны холма её видно лучше, — тихо ответил Рэй.

— Кто живёт в том домике?

— Только смотритель. Ближайший жилой дом стоит на вершине холма. Там поселился второй помощник начальника местных рабочих.

Мы продолжили путь, перевалили через холм и пошли вдоль леса, который, как я позже узнал, назывался Орчардхед. Справа остались два одиноких коттеджа. Вскоре мы вышли к просёлочной дороге, спускавшейся к самой воде.

Свернув на неё, мы дошли до ворот, откуда открывался вид на широкие ровные луга и лежавший за ними залив. Рэй опёрся на перекладину и сказал:

— Здесь и будет новая военно-морская база. Вон там, где видны огни, находится Брюс-Хейвен.

Я тоже облокотился на ворота и посмотрел на широкую полосу воды, залитую лунным светом.

— Расскажи всё, что известно о похищенном плане.

— Обстоятельства довольно странные, — ответил мой друг. — Как ты знаешь, я две недели отсутствовал в Лондоне и всё это время не сидел без дела. После того как первый план оказался за границей и был там опубликован, Адмиралтейство приказало подготовить ещё два проекта. Несколько месяцев специальная комиссия, прибывшая сюда, изучала оба варианта и оценивала возможность их осуществления. Наконец один из проектов утвердили.

Его копии хранятся в строжайшей тайне в сейфе, находящемся в тех помещениях, которые мы только что видели. Там же лежат крупномасштабные чертежи отдельных доков, базы подводных лодок, ремонтных сооружений, стапелей и оборонительных фортов — всего около двадцати двух документов.

Сведения об оборонительных укреплениях, разумеется, считаются совершенно секретными.

У сейфа два ключа. Один находится у руководителя строительных работ, мистера Уилкинсона, который живёт в Данфермлине. Второй хранится у его помощника, мистера Фаррара, живущего примерно в полумиле от конторы. Открыть сейф можно лишь в присутствии обоих.

Утечка не могла произойти изнутри. Ни один из документов никогда не пропадал, и подозрение не падает ни на кого из сотрудников. Тем не менее имеются два крайне странных обстоятельства.

Первое связано с молодым конторским служащим по имени Эдвин Джефсон. Он жил с матерью на Нетли-роуд в Шепердс-Буш и работал в одной из аукционных фирм Сити.

В июле прошлого года его тело выловили из Темзы неподалёку от верфи Торникрофта в Чизике.

На следствии невеста молодого человека рассказала, что за несколько дней до смерти он вёл себя необычно. Мать показала, что незадолго до исчезновения сын четыре дня не появлялся дома. Вернувшись, он выглядел крайне встревоженным и сказал:

— Скоро обо мне напишут в газетах.

При нём нашли четырнадцать шиллингов серебром, несколько медных монет, несколько писем и сложенные листы синей гербовой бумаги с текстом на немецком языке. Перевод показал, что в записях содержались сведения о некой крепости.

Следствие признало смерть самоубийством. Однако немецкий текст, который полиция передала в Адмиралтейство, оказался точной копией одного из документов, хранившихся здесь, в сейфе Росайта.

— Значит, Адмиралтейство уже не может отрицать, что произошла утечка? — заметил я.

— Не может. Но по-прежнему непонятно, как документ оказался у этого молодого человека и что он собирался с ним делать. Насколько удалось выяснить, Джефсон был образцовым служащим и не имел никаких связей с сотрудниками Адмиралтейства, — ответил Рэй. — Второе обстоятельство связано с заявлением Райтмейера. Ему по секрету показали фотографию одного из более крупных планов.

— Значит, здесь действительно работают шпионы.

— Это уже трудно отрицать. Для любознательных господ из Германии здешние места открывают огромное поле деятельности. В случае вторжения сведения об обороне Ферт-оф-Форта представляли бы для немцев исключительную ценность. Местную систему противолодочной защиты и подразделения подводных минёров упразднили, однако вход в залив по-прежнему прикрывают мощные батареи на острове Инчкит, напротив Лита. Мост через Форт защищён замаскированными батареями в Далмени с одного конца и в Карлингнгузе — с другого. На Инчгарви, скале под центральной частью моста, установлена сильная батарея шестидюймовых орудий. Настоящая мощь этих укреплений, как и существование других оборонительных сооружений, разумеется, держится в строжайшей тайне. Но Германия стремится узнать всё это не меньше, чем наши планы относительно создания новой военно-морской базы и её укреплений.

— Но если базу всё-таки построят, разве противник не сможет взорвать мост и его обломками запереть наш флот в заливе? — спросил я.

— В этом и состоит главная опасность, Джек. Будет построена база в Росайте или нет, немцы наверняка постараются уничтожить мост. Во-первых, чтобы перерезать прямое сооб-

щение между севером и югом. Во-вторых, чтобы британские корабли не могли использовать Сент-Маргаретс-Хоуп как убежище.

— И даже после того, как у служащего аукционной фирмы нашли секретный документ, правительство продолжает отрицать деятельность шпионов!

— Да, — жёстко ответил Рэй. — Неделию назад я уже приезжал сюда и осматривал сейф в конторе, мимо которой мы прошли. В ответ меня только подняли на смех. Должен, однако, признать: ни один документ никогда не пропадал, и никаких следов взлома на сейфе нет.

— Полная загадка.

— И нам, дорогой Джек, предстоит её разгадать.

Мы повернули обратно к станции Северного Куинсферри и, к счастью, успели на поезд до Эдинбурга.

На следующее утро мы снова приехали в Далмени. В сером тумане наняли лодку у скользкого причала напротив гостиницы «Хоуз-Инн». Рэй отказался от помощи лодочника, снял пальто и сам взялся за вёсла.

Это меня удивило: мы без труда могли переправиться на пароме. Стоял прилив. Постепенно, выйдя на середину залива, Рэй позволил лодке дрейфовать к одной из групп из четырёх круглых кессонов, на которых покоились опоры гигантского моста с его головокружительным переплетением железных конструкций.

Лодку понесло к одному из кессонов. Рэй упёрся ладонью в каменную кладку, чтобы смягчить удар, и тут заметил нечто, заставившее его отодвинуться и внимательнее присмотреться.

Высоко над нами с грохотом прошёл поезд.

Я проследил за его взглядом, но увиденное ничего мне не объяснило. Примерно в двух футах над отметкой полной воды в бетон была вбита массивная железная скоба. К ней крепился тонкий стальной трос, уходивший в воду. Вероятно, рабочие моста привязывали к нему лодки.

Тщательно осмотрев скобу, Рэй обогнул остальные три кессона, стоявшие в нескольких футах друг от друга, но больше ничего не обнаружил. Затем с моей помощью он вернулся к берегу Далмени. У основания одной из высоких квадратных кирпичных опор береговой части моста, третьей от суши, он нашёл точно такую же скобу.

После этого мы вернулись к причалу и переправились в Северный Куинсферри.

Следующим шагом Рэя было посещение почты. Там он написал на жёлтом бланке телеграмму по-немецки, адресованную некоему человеку в Берлине, и передал её приветливой шотландке-почтмейстеру. Увидев сообщение на незнакомом языке, она быстро взглянула на него.

Рэй заметил, что ей, вероятно, нечасто приходится отправлять телеграммы на немецком.

— Почему же, случается, — ответила она. — Немецкий официант из гольф-клуба иногда посылает.

— Он единственный немец в Северном Куинсферри? — как бы между прочим спросил Рэй.

— О других я не слышала, сэр, — ответила добродушная женщина.

Мы попрощались и вышли.

Затем поднялись на Ферри-Хилл за почтой, миновали станцию и форт Карлингхоуз и добрались до клуба Данфермлинского гольф-клуба. Оттуда открывался прекрасный вид на широкое устье реки к востоку.

В то утро на поле никого не было. Едва мы вошли в здание, к нам подошёл светловолосый, довольно щеголеватый официант-немец. Ему было около тридцати. Светлые усы были тщательно подстрижены, волосы коротко острижены.

Я спросил о вымышленном человеке и таким способом втянул официанта в разговор. Рэй, со своей стороны, сообщил, что собирается некоторое время провести в окрестностях, и

попросил список членов клуба и условия вступления. Официант принёс ему книжку с правилами, которую Рэй убрал в карман.

— Ну что? — спросил я, когда мы спускались с холма.

— Пока я вижу в нём лишь одно подозрительное обстоятельство, — ответил мой друг. — Его национальность.

После полудня мы снова отправились в контору военно-морского строительства. Там меня представили начальнику работ и его второму помощнику. Я наблюдал, как Рэй вновь осматривает большой сейф, выкрашенный зелёной краской, и тщательно изучает замок с помощью лупы.

Было очевидно, что сотрудники считают его безобидным чудаком. Они были настолько уверены, что ни один шпион не сможет добраться до планов, что у здания даже не выставляли ночного сторожа.

Пять ночей подряд, не ставя в известность смотрителя, который спокойно спал в своём домике, мы несли возле конторы бдительное наблюдение. Но всё было напрасно. Какие бы сведения ни требовались нашим немецким друзьям, казалось, они уже успели их получить.

Однако Рэй Реймонд не терял терпения, спокойного и методичного, которое рождается из подлинной увлечённости.

— Я уверен, здесь что-то готовится, — повторял он. — И шпионы в этих местах есть.

Почти две недели мы провели то в Эдинбурге, то в Северном Куинсферри, изображая праздных английских туристов. Мост через Форт всё ещё привлекал немало любопытных, поэтому наше присутствие не вызывало подозрений.

Рэй продолжал внимательно следить за немецким официантом из гольф-клуба. Ему удалось выяснить, что того звали Генрих Клаубер и до переезда сюда он работал в подвальном кафе лондонского отеля «Европа» на Лестер-сквер.

В поведении Клаубера не было ничего подозрительного. Он снимал комнату у вдовы по фамилии Макдональд, жившей в небольшом коттедже почти напротив почты Северного Куинсферри, и был влюблён в довольно миловидную темноглазую девушку Элси Робинсон, которая жила с отцом на серой Хай-стрит в Инверкитинге.

Насколько я мог судить, а следить за немцем в отсутствие Рэя часто приходилось именно мне, Клаубер был трудолюбивым, очень бережливым и выглядел образцом добродетели.

Но однажды вечером произошло нечто странное.

Рэй уехал в Лондон, поручив мне наблюдать за немцем. Около восьми Клаубер вернулся к миссис Макдональд, но лишь без малого в одиннадцать снова вышел из дома. Вместо того чтобы, как обычно, отправиться по дороге в Инверкитинг на встречу с Элси Робинсон, он поднялся на холм, пересёк поле для гольфа и добрался до его самой высокой точки, откуда открывался вид на воды Форта и море.

Там он остановился так неожиданно, что мне пришлось нырнуть в песчаную яму неподалёку, чтобы не быть замеченным.

Наблюдая за ним, я увидел, как он достал из кармана небольшой ацетиленовый фонарь, судя по виду велосипедный, с зелёным стеклом, зажёл его и поставил на траву так, чтобы огонь был виден далеко с воды. Затем закурил сигарету и стал ждать.

Маяк на Окскарс попеременно вспыхивал белым и красным, а вдали, с Инчкита, через равные промежутки бил яркий белый луч. Но зелёный фонарь Генриха Клаубера явно служил сигналом.

Только кому?

Оставался он там около получаса. Был ли ему ответный сигнал, я не заметил.

На следующую ночь и ещё через день я снова пришёл на то же место, но Клаубер так и не появился. Тогда, желая доложить обо всём Рэю, я сел на утренний поезд, следовавший из Перта в Лондон.

Добравшись до Нью-Стоун-Билдингс, я позвонил на Брутон-стрит. Чепмен, камердинер Рэя, сообщил, что хозяин переночевал дома лишь однажды, затем принял прилично одетую женщину средних лет и уехал в неизвестном направлении.

Целую неделю я провёл в тревоге и ожидании. Наконец однажды утром пришла телеграмма, отправленная из Керколди. Рэй настойчиво просил меня немедленно приехать в гостиницу при вокзале в Перте.

На следующее утро в девять часов я уже сидел на краю его кровати и рассказывал о зелёном фонаре.

— Так я и думал, — после паузы произнёс он. — Мои догадки понемногу подтверждаются, Джек. Купи в городе велосипедный фонарь и кусок зелёного стекла. Сегодня вечером отправишься на то же место и в тот же час выставишь такой же сигнал. Дело, похоже, гораздо серьезнее, чем я предполагал. Противник, несомненно, уже здесь, среди нас. Возьми. Возможно, скоро пригодится.

Он достал из дорожной сумки новый револьвер «Кольт» тридцать второго калибра.

Я понял, что Рэй решил на какой-то смелый шаг.

Вечером, рано поужинав в гостинице, мы сели на поезд до Северного Куинсферри. На станции Рэй отправил меня на поле для гольфа с приказом светить зелёным фонарем с полчаса. Позже он обещал встретить меня в условленном месте на дороге к Росайту.

Я добрался до безлюдной вершины и в назначенное время зажег фонарь. Затем поспешил к месту встречи и обнаружил Рэя за кустами.

Почти одновременно с моим появлением вдоль высокой стены, прячась в её тени, прошла женская фигура. Девушка была одета бедно, но стоило ей заговорить с моим другом, как по утончённому голосу я узнал Веру, изящную дочь начальника военно-морской верфи.

— Элси ждёт у Ферри-Барнс, — быстро прошептала она, поприветствовав меня. — Генрих не пришёл на встречу.

— Записка у тебя? — спросил Рэй. — Помни, что я говорил о человеке по фамилии Хартман.

— Да.

Затем она повернулась ко мне:

— Будьте осторожны с этими людьми, мистер Джейкокс. Они не остановятся ни перед чем.

И снова исчезла в темноте.

Мы с Рэем направились обратно к Росайту. Пройдя некоторое расстояние, он велел мне осторожно приблизиться к конторе, спрятаться в кустах и наблюдать, пока он не вернётся. Что бы я ни увидел, ни в коем случае нельзя было обнаружить себя.

Ночь стояла очень холодная, но не слишком тёмная. Я быстро выбрал место, откуда хорошо просматривалось здание, прислонился к стволу дерева и замер в напряжённом ожидании. Коснулся старых отцовских часов с репетиром, которые носил при себе. Было четверть первого.

Больше часа я простоял, почти не смея пошевелиться.

Вдруг со стороны раскисшей обочины послышались осторожные шаги. Через несколько мгновений из темноты показались две фигуры. Не доходя примерно сорок метров до конторы, они остановились. Дальше пошёл только один человек.

Он с большой осторожностью перелез через ограду с острыми пиками, быстро пересёк двор, открыл входную дверь ключом и вошёл внутрь, закрыв её за собой.

Насколько я мог различить, на нём были твидовый костюм и кепка для гольфа, а лицо обрамляла короткая борода.

Затаив дыхание, я увидел, как внутри здания замелькал луч электрического фонаря.

Прошло не меньше двадцати минут. Затем незнакомец вышел, снова запер дверь, перелез через ограду и присоединился к ожидавшему товарищу. В следующую секунду оба растворились в темноте.

Мне не терпелось последовать за ними, но приказ Рэя был недвусмысленным: оставаться на месте до его возвращения.

Через полчаса я услышал негромкий свист, вышел из укрытия и рассказал другу обо всём, что видел.

— Да, — ответил он. — Я знаю. Теперь нельзя терять ни минуты.

Мы поспешили по дороге обратно к Северному Куинсферри.

На том же месте, где нас встретила Вера, она всё ещё скрывалась в тени. Рэй прошептал ей несколько слов, и она торопливо пошла вперёд, к резкому повороту дороги, где стоял телеграфный столб, заинтересовавший моего друга в ночь нашего приезда.

Мы отступили в темноту и увидели, как Вера остановилась у маленькой калитки в высокой стене и потянула за шнур звонка. За оградой стоял побелённый коттедж с довольно большим садом позади. Один торец дома выходил прямо к дороге, и в нём было единственное небольшое окно.

На звонок вышла пожилая женщина. Вера перекинулась с ней несколькими словами, после чего вошла внутрь. Калитка за ней закрылась.

Мы прождали довольно долго. Тревога и нетерпение росли. Вокруг царил тишина. Лишь однажды мимо проехала двуколка, в которой мы узнали мистера Уилкинсона, возвращавшегося со станции.

— Странно, что Вера не выходит, — наконец сказал Рэй, когда прошло почти три четверти часа. — Придётся разобраться с этим. Надеюсь, с ней ничего не случилось.

Он знаком велел мне следовать за ним и осторожно двинулся по грязной дорожке к калитке. Она снова была заперта.

Не теряя времени, мы перелезли через стену и, оказавшись в маленьком палисаднике, затаив дыхание прислушались у двери дома.

— Спрячься в тени, Джек, — прошептал мой друг.

Как только я спрятался, он провёл рукой по притолоке и нащупал провод, тянувшийся от звонка у калитки. Рэй дёрнул за него.

Через несколько мгновений пожилая женщина снова появилась в дверях и направилась к калитке. В ту же секунду мы с Реем проскользнули в дом. Распахнув дверь слева от узкого коридора, мы оказались лицом к лицу с образцовым официантом Клаубером и его сообщником.

В короткой бороде и курносом носе второго человека я сразу узнал того, кто два часа назад так спокойно проник в контору военно-морского строительства.

Наше внезапное появление, несомненно, стало для них полной неожиданностью.

Старший из мужчин резко выругался по-немецки. Клаубер, разумеется, сразу узнал нас.

В комнате стоял большой фотоаппарат со вспышкой. Перед ним на экране был закреплён крупный чертёж одного из главных оборонительных фортов. Этой ночью шпионы добыли его в Росайте и теперь уже собирались сфотографировать.

— Час назад сюда приходила женщина, — резко сказал Рэй. — Где она?

— Никакой женщины здесь не было, — ответил бородатый немец на превосходном английском и с поразительным хладнокровием добавил: — Позвольте узнать, чем мы обязаны столь бесцеремонному вторжению?

— Тем, что я узнал вас. Вы — Йозеф Шольц, тайный агент военно-морской разведки Германии, — твёрдо произнёс мой друг, закрыл дверь и встал к ней спиной. — Мы уже встречались. Вы спускались по ступеням одного из домов на Понт-стрит в Лондоне, где живёт ваш близкий приятель Герман Хартман.

— Ну и что? — спросил немец с притворным равнодушием.

Прежде чем мы успели ему помешать, он сорвал чертёж, грубо сложил его и сунул в карман.

— Отдайте его мне, — быстро приказал Рэй.

В ответ шпион лишь вызывающе рассмеялся.

— Вы, конечно, собирались вернуть чертёж на место, как уже поступали с остальными после съёмки. Но на этот раз мы испортили вам игру, — сказал Реймонд. — Судя по спискам, и мистер Уилкинсон, и мистер Фаррар состоят в гольф-клубе, где вы, — он посмотрел на официанта, — работаете. Однажды, пока мистер Уилкинсон принимал ванну после игры, а в другой раз, когда мистер Фаррар переодевался, вы сумели снять восковые слепки с обоих ключей от сейфа, а заодно и с ключа от входной двери конторы. По этим следам в Глазго изготовили дубликаты. С их помощью планы новой военно-морской базы и её будущих укреплений оказались в вашем полном распоряжении.

— И что же? Это не запрещено законом! — выкрикнул Шольц. — Пропустите меня.

— Сначала отдайте чертёж, — твёрдо потребовал мой друг.

— Никогда. Делайте что хотите!

От волнения у немца появился заметный акцент. В тот же миг я увидел у него в руке револьвер.

Рэй мгновенно выхватил оружие, но направил его не на шпиона, а на небольшой прочный деревянный ящик, стоявший на полу в противоположном углу комнаты.

— Господи, нет! — выдохнул немец.

Его лицо побелело: он понял намерение Рэя.

— Ради Бога, не надо. Я... я...

— Вот как! — рассмеялся мой друг. — Значит, я не ошибся. Вы двое и, вероятно, ещё несколько ваших сообщников тайно готовили уничтожение моста через Форт в тот самый «День», о котором так любите говорить. Скобы уже вбиты. Ничем не примечательные стальные тросы, на которых между четырьмя кессонами должны быть спущены ящики с пироксилином и другими взрывчатыми веществами, тоже готовы. Лодка с германского торгового судна, стоящего в Лите, время от времени получала сигналы от вашего помощника Клаубера и доставляла сюда ящик за ящиком. Их выгружали внизу, у края сада. Получив условный сигнал от начальства, вы за час могли бы разрушить весь мост и обрушить его в воду.

Шольц попытался пройти к двери, но, увидев решимость Рэя, остановился. Мой друг заставил его положить оружие.

— Джек, посмотри, что находится в том ящике.

Я сразу же приступил к осмотру. Сверху лежали совершенно безобидные на вид жестяные коробки из-под английского печенья. Я вынул три верхние и поставил их на пол. Под ними обнаружились круглые пластины, похожие на плотный войлок, толщиной примерно в два с половиной сантиметра. В центре каждой было отверстие, а сбоку — небольшое углубление для детонатора.

Я показал находку Рэю и обратил его внимание на несколько маленьких коробочек, напоминавших пачки сигарет.

— Да, понятно, — сказал он, когда я открыл одну из них. — Это детонаторы, снаряжённые гремучей ртутью.

— Пропустите нас! — одновременно потребовали оба шпиона.

— Из этого дома вы выйдете только после обыска, — быстро ответил Рэй. — Попробуете сопротивляться — я выстрелю в ящик с детонаторами и разнесу вас на куски.

— И себя вместе с нами, — заметил Клаубер, бледный как смерть.

— Зато наши секреты не достанутся вам, а британское правительство наконец узнает правду, — невозмутимо ответил мой друг.

В следующее мгновение оба бросились к двери. Но я уже держал револьвер наготове.

Полыхнул огонь, прогремел оглушительный выстрел. Рэй намеренно взял в сторону и послал пулю рядом с ящиком.

Шпионы поняли, что перед ними человек, готовый ради своей страны пойти до конца, и что игра окончена.

Шольц мрачно положил оружие. Я обыскал обоих.

В кармане образцового официанта нашлись грубый план и несколько записок по-немецки. Позже выяснилось, что это было описание укреплений на острове Инчкит. У Шольца я забрал похищенный в Росайте чертёж.

После этого мы позволили обоим тайным агентам кайзера уйти, к ужасу и растерянности глухой пожилой шотландки. По их просьбе она изображала хозяйку коттеджа и вела хозяйство, совершенно не понимая, чем на самом деле занимаются её постояльцы.

Быстрый осмотр дома не обнаружил никаких следов Веры.

Зато в погребе под комнатой, где мы застали шпионов, хранился огромный запас пироксилина и других мощных взрывчатых веществ германского производства, предназначенных для уничтожения моста.

В одном из помещений дома, в старом потрёпанном чемодане, мы нашли уже подготовленные к отправке в Германию отпечатки с негативов, сделанных в комнате внизу. На снимках были почти все планы Росайта, особенно проекты будущих фортов. Шпионы по ночам выносили документы из сейфа, фотографировали их, а до рассвета возвращали на место.

Рэй Реймонд продолжал что-то искать и наконец обнаружил: два германских военно-полевых телеграфных аппарата и полный комплект весьма хитроумного оборудования для подключения к линии.

— Вот это находка! — воскликнул мой друг, живо интересовавшийся всем, что связано с электричеством. — Теперь эта штука нам очень пригодится.

Выйдя к телеграфному столбу у стены, он взобрался наверх и присоединил провода к двум изоляторам. Затем спустился, прикрутил к столбу небольшую латунную коробку, используя те самые три отверстия в почерневшем дереве, которые привлекли его внимание в ночь нашего приезда, и принялся работать ключом.

— Отлично! — наконец сказал он. — Я связался с Инверкитингом и попросил немедленно прислать полицию. Мы не можем оставить дом без присмотра: шпионы могут вернуться за своим снаряжением. Но исчезновение Веры меня тревожит. Я отправил её сюда с запиской, будто бы написанной Германом Хартманом, руководителем германской тайной службы в Англии. Теперь она пропала, и, как только прибудет полиция, мы должны немедленно начать поиски.

Мы настолько разоблачили шпионов, что я стоял в полном замешательстве, не зная, чему удивляться больше.

Рэй заметил моё состояние и объяснил:

— Некоторые мои догадки подтвердились целиком. Сначала я предположил, что, если в этих местах действуют шпионы, они наверняка подготовятся к перехвату телеграфных сообщений. Как ты помнишь, вскоре я нашёл следы такого подключения. Затем скобы, вбитые в опоры моста, дали ещё одну подсказку. А сигнальный фонарь Клаубера окончательно укрепил мои подозрения.

То, что оба владельца ключей от сейфа состояли в гольф-клубе, навело меня на верную мысль. Когда же я проверил прошлое официанта, то обнаружил обстоятельство, не оставившее сомнений в его настоящих занятиях.

Оказалось, что во время работы в кафе отеля «Европа» в Лондоне Клаубер снимал комнату у миссис Джефсон в Шепердс-Буш и очень сблизился с её сыном. Ты помнишь, что за

несколько дней до смерти молодой человек куда-то исчез, а вернувшись, по секрету сказал матери, что вскоре о нём напишут в газетах.

Теперь всё ясно. В те дни он, очевидно, приезжал сюда. Молодой Джефсон знал немецкий язык и понял, что его немецкий приятель — шпион. Вероятно, он раздобыл документ, позднее найденный при нём, чтобы получить доказательство.

Клаубер не знал наверняка, что произошло, но подозревал, что его разоблачили. Боясь огласки, он хотел заставить молодого англичанина молчать. Скорее всего, уговорил прогуляться по тропе вдоль Темзы между Хаммерсмитом и Барнсом, а затем столкнул в реку. Более того, я нашёл свидетеля, который видел их вместе на Кинг-стрит в Хаммерсмите тем вечером, когда Джефсон исчез.

Что же касается плана, который видел Райтмейер, то, к счастью, это оказался один из отвергнутых проектов.

— Поразительно! — воскликнул я, поражённый его рассказом. — Но, отняв у Германии сведения о некоторых важнейших укреплениях страны, ты, дорогой Рэй, на время потерял женщину, которую любишь.

— Это мой долг, Джек, — перед королём и страной, — ответил он, сидя на краю стола в устроенной шпионами фотолаборатории. — Сегодня ночью я постарался его исполнить и, к счастью, разоблачил германскую деятельность у нас под носом. Когда прибудет полиция и увидит это шпионское гнездо, мы немедленно отправимся искать Веру. Она всегда была моей любовью, и нынешним успехом мы во многом обязаны её женской проницательности и предусмотрительности.

ТАЙНА БЕСШУМНОЙ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ

— Дело, без сомнения, крайне загадочное, — заметил я. — Удалось узнать что-нибудь ещё?

— Да, Джек, — ответил мой друг Рэй Реймонд, сворачивая в пальцах новую сигарету. — Чем дальше идёт расследование, тем сложнее и удивительнее становится эта история. А для нас — тем интереснее.

Мы сидели в наших унылых комнатах в Нью-Стоун-Билдингс, Линкольнс-Инн, одним дождливым днём, примерно через шесть недель после происшествия у моста через Форт. Рядом с камином, развалившись в старом потёртом кресле, устроилась Вера Вэлланс. На ней была большая чёрная шляпа, а муфту и пальто она отложила в сторону.

Её исчезновение в Северном Куинсферри оказалось недолгим. Мы нашли Веру в глубине длинного сада, у самой воды, где она, спрятавшись, наблюдала, как с лодки выгружают два небольших ящика. Получив записку, якобы присланную их лондонским руководителем Германом Хартманом, Шольц и Клаубер попросили её подождать в соседней комнате, пока они составят ответ. Однако Вера незаметно выскользнула наружу и укрылась в саду, решив проследить за ними.

И вот, полчаса назад она пришла в мои мрачные комнаты вместе с женихом. Как объяснил Рэй, они хотели посоветоваться со мной. Вера гостила у замужней сестры, жившей на Аргайл-роуд, неподалёку от Кенсингтон-Хай-стрит, поэтому они с Рэем виделись каждый день.

— Понимаешь, Джек, в газеты почти ничего не попало, — сказал Рэй, закуривая и становясь спиной к камину. — Как только я прочитал о случившемся, сразу отправился в Скотленд-Ярд, встретился с Эвансом и изложил ему свою версию. Он склонен был со мной согласиться и немедленно распорядился ничего не сообщать прессе. Теперь наш успех целиком зависит от полной секретности.

— Я знаю лишь то, что писали газеты, — заметил я.

— Расскажи нам всё, Рэй, — попросила светловолосая девушка. Вуаль её была приподнята, а длинные белые перчатки лежали на коленях.

— Хорошо, дорогая. Если коротко, дело обстоит так, — ответил он, ласково взглянув на неё. — В прошлый четверг, когда в 4:51 на станцию Воксхолл прибыл поезд из Гилфорда, контролёр обнаружил на полу купе третьего класса прилично одетого мужчину средних лет. Он, судя по всему, был при смерти.

Вызвали полицию, и пострадавшего доставили в больницу Святого Фомы. Там выяснилось, что у него тяжёлый перелом черепа. Удар, вероятно, был нанесён тяжёлой тростью или дубинкой. Над правым глазом зияла глубокая рана, а левую щёку рассекал длинный порез.

Мужчина находился без сознания и до сих пор не пришёл в себя. Врачи серьёзно сомневаются, что даже в случае выздоровления его рассудок не окажется повреждён навсегда. Скорее всего, он уже никогда не вернётся к нормальной жизни.

— Какой ужас! — воскликнула Вера.

— Да. Несомненно, это покушение на убийство, — продолжил он. — Но моё внимание прежде всего привлекло сообщение о личности пострадавшего. Им оказался Макс Штайнхайм, немецкий парикмахер, работавший в салоне на Нью-Бонд-стрит и пропавший почти два месяца назад. Он снимал жильё на Харгвинн-стрит в Стоквелле и задолжал хозяйке значительную сумму. Та сообщила в полицию о его исчезновении, а затем опознала его в больнице.

— На этом газетные сведения заканчиваются, — сказал я.

— Именно. Но нам удалось продвинуться немного дальше и обнаружить обстоятельство, которое требует самого тщательного расследования, — продолжил Реймонд. — Когда поезд прибыл на вокзал Ватерлоо, купе осмотрели. Внутри были явные следы ожесточённой

борьбы. Под сиденьем нашли маленький клочок бумаги, смятый в плотный шарик, словно кто-то пытался незаметно от него избавиться.

На листке отчётливым иностранным почерком, фиолетовыми чернилами, которыми англичане, к слову, пользуются редко, были записаны загадочные пометки. У меня есть их копия.

Он протянул нам лист бумаги следующего содержания:

J 11864! 19505
Кингслифф
12.15, поезд со станции Сент-Панкрас
М. Р. Уэлдон и Корби, 1 миля
«Ройял-Пир» 18
6.11
248 и 392
Харпер-стрит, 2.30

?8.88 М. 88

Эльмар 39 X часы

— Ты, конечно, пытался это расшифровать? — спросил я, пока мы с Верой разглядывали непонятное сочетание слов и цифр.

— Пытался. Последние три дня я почти ничем другим не занимался. К сожалению, результаты не слишком обнадеживают, — ответил он. — В одном малоизвестном шифре число 19505 означает «24 января». Это за четыре дня до нападения.

Кингслифф — деревня в Нортгемптоншире, на линии Северо-Западной железной дороги между Питерборо и Рагби. Поезд, отправляющийся в 12:15 с Сент-Панкрас, — вагон-ресторан до Дерби. Если пересесть в Кеттеринге, на нём можно добраться до станции Уэлдон и Корби. Указанная миля, вероятно, означает расстояние от станции до деревни Грейт-Уэлдон.

— «Ройял-Пир» похоже на название гостиницы, — заметил я.

— Скорее всего. Но гостиниц с таким названием в Англии немало, поэтому здесь мы сталкиваемся с затруднением. Что означает 6.11, я понятия не имею. Харпер-стрит, отходящую от Теобалдс-роуд, я посетил вчера, но домов с номерами 248 и 392 там нет. Следующая строка совершенно непонятна. А последнюю, если я прочитал её верно, следует понимать как назначенную на шесть часов встречу под часами на вокзале Чаринг-Кросс.

Я глубоко затынулся трубкой. Странная записка представляла собой чрезвычайно сложную загадку.

— Судя по всему, речь идёт о каком-то месте в Нортгемптоншире, однако на него напали в поезде, шедшем из Гилфорда по Юго-Западной железной дороге, — заметила Вера. — Неужели твои подозрения основаны только на том, что пострадавший немец?

— Не только. Есть и другие обстоятельства, — ответил Рэй. — Как только я прочитал первое сообщение в газетах, сразу отправился в Гилфорд. Там удалось выяснить, что около часа дня пострадавший приехал к гостинице «Энджел» на автомобиле. Шофёр сказал конюху, что доставил пассажира с южного побережья, а затем, выпив чего-то, отправился обратно.

Штайнхайм пообедал наверху, потом выпил кофе и выкурил сигарету в маленькой комнате на первом этаже. Некоторое время он бесцельно слонялся по гостинице и сказал женщине, которая вела счета, что ждёт приятеля. Однако тот так и не появился. Тогда Штайнхайм пешком отправился на вокзал и в 4:13 сел на поезд до Лондона.

Один носильщик помнит, что видел его в купе одного. Можно почти не сомневаться: из Гилфорда он выехал без попутчиков. Это был скорый поезд, который по расписанию не должен

был останавливаться до самого Воксхолла. Но железнодорожные служащие сообщили мне, что примерно в миле от Эшера состав задержался. В это время к Штайнхайму мог перейти кто-нибудь из соседнего купе.

— Значит, по твоей версии, человек, напавший на этого загадочного немца, затем вернулся в своё купе и сошёл в Воксхолле? — спросил я.

— Думаю, именно так. Машинист говорит, что перед Клэпем-Джанкшен поезд снова был красный, и ему пришлось остановиться.

— Жаль, что пострадавший ещё не оправился настолько, чтобы дать показания.

Рэй мрачно улыбнулся.

— Не думаю, что он вообще захочет их дать. Если мои выводы верны, ему выгоднее скрывать правду.

— Это все известные обстоятельства? — спросил я, всё больше увлекаясь делом.

— Есть ещё одно. Через неделю после его исчезновения из Стоквелла хозяйка получила письмо со штемпелем Кроули, в Суссексе. Он просил её не беспокоиться и писал: «Я выполняю важное поручение, но через десять дней вернусь домой и всё, что должен, оплачу. Не ищите меня. Сожгите это письмо сразу после прочтения. Макс Штайнхайм».

Кроме того, я узнал кое-что от его работодателя, англичанина с Нью-Бонд-стрит. В салон часто приходил полный, хорошо одетый и, судя по виду, состоятельный немец. Он всегда ждал, чтобы именно Штайнхайм побрил его или подстриг. В такие минуты окружающие замечали, что они вполголоса обменивались несколькими фразами по-немецки.

— И что же? — спросила Вера, подняв глаза на жениха.

— Описание этого полного немца в точности совпадает с внешностью Германа Хартмана.

— Теперь понятно, — сказал я. — Ты действительно не терял времени.

Я снова посмотрел на загадочный набор цифр и слов.

— Если бы удалось расшифровать записку целиком, мы, возможно, докопались бы до истины.

— Уже одно знакомство пострадавшего с Хартманом, хитрым руководителем германской тайной службы в Лондоне, выглядит крайне подозрительно, — заметила Вера. — Но разве нельзя узнать что-нибудь у хозяйки на Харгвинн-стрит? Возможно, к нему приходили посетители.

— Даже если приходили, они наверняка говорили по-немецки, а добрая женщина ничего бы не поняла, — задумчиво ответил Рэй, глядя на тлеющий кончик сигареты.

— Встретиться с ней всё равно не помешает, — сказала Вера. — Завтра я съезжу и поговорю с ней.

— А мы с Джеком тем временем займёмся другой версией, — решил мой друг.

Вера поднялась — высокая, светловолосая, с мягкими чертами лица, вся в чёрном, — подошла к столу и разлила чай. В наших комнатах она бывала не впервые. Как дочь адмирала, Вера особенно близко принимала к сердцу вопрос о германских шпионах в Англии, которым так настойчиво занимался её жених.

Опасность, грозившая мосту через Форт, уже заставила правительство обратить внимание на серьёзную угрозу. А успех лишь усилил стремление Рэя к новым расследованиям и открытиям.

На следующее утро я зашёл к нему на Брутон-стрит. Его холостяцкая квартира была обставлена со вкусом, хотя модные зелёные и голубые тона плохо сочетались с серьёзным и целеустремлённым характером хозяина.

Оттуда мы на такси отправились в больницу Святого Фомы. В палате для пострадавших подошли к кровати загадочного Штайнхайма. Его голова была вся в бинтах, но ночью он пришёл в сознание.

Однако на наши вопросы он не дал ни одного внятного ответа. Казалось, всё случившееся полностью исчезло из его памяти.

Рэй прочитал вслух копию загадочной записки, найденной в железнодорожном купе. Когда он произнёс название станции «Уэлдон и Корби», большие серые глаза больного широко раскрылись.

— Да! Да! — воскликнул он по-немецки. — В Уэлдоне. Она была в Уэлдоне!

Кто была эта «она»?

Мы снова и снова пытались добиться ответа, но безуспешно.

Имя Германа Хартмана — изобретательного и бесстрашного агента, умело руководившего огромной сетью германских шпионов, раскинутой по всей Англии, — также не вызвало никакой реакции на бледном, осунувшемся лице пострадавшего.

Было ясно: он намеренно скрывал правду о нападении и готов был молчать. Возможно, сам был замешан в каком-то преступлении. А может быть, решил пока ничего не говорить, чтобы позднее отомстить нападавшему в тот момент, когда тот будет считать себя в полной безопасности.

Штайнхайм был крупным, тяжёлым мужчиной с резкими чертами лица — из тех крепко сложенных немцев, которые способны долго хранить смертельную злобу против любого, кто причинил им вред.

— Теперь я ещё больше уверен, что за этой странной историей стоит Хартман, — сказал Рэй, когда мы пересекали Вестминстерский мост и направлялись к клубу «Сент-Стивен» на углу набережной. — Насколько мне удалось выяснить, Штайнхайм всегда располагал достаточными средствами. Но хозяйке старательно внушал, будто денег у него нет. Для этого наверняка существовала скрытая причина, как и для письма, которое он отправил после исчезновения.

— Чем дальше мы продвигаемся, тем всё более интригующей становится загадка, — заметил я.

— И если догадка, которая пришла мне сегодня утром, верна, Джек, всё окажется ещё сложнее. Можешь не сомневаться: здесь затевается что-то тёмное.

В тот день мне нужно было выступить с ходатайством в Канцлерском суде, поэтому снова я оказался в его гостиной с зелёными стенами лишь после обеда и устроился в одном из кресел, обитых зелёным бархатом.

Вопреки обыкновению, Рэй не переоделся к вечеру и всё ещё был в том же коричневом твидовом костюме, который носил утром.

— Ты принёс то, о чём я просил по телефону? — спросил он, едва я вошёл.

— Да.

Я раскрыл потёртый кожаный портфель и показал тёмный фонарь, моток прочного шелкового шнура и небольшой, но вполне надёжный ломик. Всё это снаряжение, больше подходившее взломщику, принадлежало моему другу.

— Отлично, — сказал он, проводя рукой по гладко выбритому подбородку. — Закуривай трубку. Выйдем около десяти. Сегодня ночь проведём на Понт-стрит.

Он указал на серебряную фляжку и свёрток с бутербродами на буфете.

— Вера ездила к хозяйке Штайнхайма в Стоквелл, но ничего от неё не добилась. Она глухая как пень. Сегодня вечером Вера вернулась домой, в Портсмут.

До десяти мы курили. Рэй одну за другой зажигал сигареты, и эта нервная поспешность выдавала охватившее его возбуждение.

— Не понимаю, почему упоминание Уэлдона и Корби так взволновало нашего знакомого утром, — сказал я. — Похоже, с этим местом у него связаны не самые приятные воспоминания.

— И в этой истории, без сомнения, замешана женщина.

— Думаю, Джек, как только появится возможность, я съезжу туда и осмотрюсь. Судя по топографической карте, место совсем небольшое. Станция находится в Корби, а Литл-Уэлдон и Грейт-Уэлдон — примерно в миле от неё.

— Небольшой шанс что-нибудь узнать всё же есть, — заметил я.

— И всё-таки мои предположения ведут меня совсем в другую сторону. Не забывай: в Нортгемптоншире нет ни военных укреплений, ни государственных секретов.

Он снова взял со стола лист с копией загадочной записки, найденной в вагоне на Ватерлоо. Несколько минут всматривался в непонятные цифры и слова, затем вздохнул, покачал головой и отложил бумагу. Тайна оставалась такой же непроницаемой.

— Вокруг Хартмана слишком много подозрительного. Полагаю, поэтому мы и отправляемся на Понт-стрит?

— Именно. Как я уже говорил, официально он считается ростовщиком и держит контору на Корк-стрит. А потому никого не удивляет, что к нему постоянно приходят самые разные люди. Его посещают мужчины и женщины всех сословий. Но наблюдение за домом убедило меня, что большинство из них — германские агенты. Хартман руководит ими, оплачивает их работу и обладает над ними почти неограниченной властью. Через него проходят все выплаты за тайные услуги, оказанные Германии.

— И полиция ничего не подозревает?

— Дорогой мой, разве полиция не получила от правительства приказ закрывать глаза на деятельность этих господ? Англия остаётся раем для шпионов и будет им до тех пор, пока мы не вынудим власти принять новые законы против них.

Вскоре после половины одиннадцатого такси высадило нас на Слоун-стрит. Мы свернули на Понт-стрит и неторопливо прошли мимо среднего по размеру дома с красным фасадом. К глубокому портику вела широкая лестница.

В окне гостиной на втором этаже горел свет. Остальная часть дома, принадлежавшего главному германскому шпиону, была погружена во тьму.

Проходя мимо, Рэй внимательно осмотрел респектабельный фасад. Затем мы дошли до конца улицы, чтобы не привлекать внимания. Навстречу прошёл полицейский, и некоторое время нам пришлось идти дальше. Потом Рэй повернул обратно, быстро поднялся по ступеням соседнего с домом Хартмана здания и скрылся в тени портика. Я последовал за ним.

Через несколько секунд он открыл дверь ключом, который держал в руке, и мы оказались в просторном гулком холле. Дом пустовал, видимо сдавался внаём.

— Несколько дней назад я заходил к агенту и осматривал это здание, — объяснил Рэй. — Ключ ненадолго оказался у меня в руках, и я успел сделать с него слепок.

Он включил электрический фонарь, осветив квадратный холл и поднимавшуюся лестницу.

Добравшись до большой гостиной, Рэй подошёл к высокому французскому окну слева и осторожно выглянул на улицу.

В этот момент я заметил мужчину в тёмном пальто и фетровой шляпе. Он перешёл с противоположной стороны улицы и поднялся по ступеням соседнего дома. Рэй посмотрел на часы, воспользовавшись светом уличного фонаря. Рассмотрев стрелки, он заметно успокоился.

— Видишь, Джек, отсюда балкон тянется почти до дома Хартмана. Нужно перебраться туда и взглянуть на нашего приятеля в домашней обстановке. Я давно наблюдаю за окном его гостиной и уверен, что он использует её как кабинет.

Рэй осторожно открыл французское окно. Пригнувшись, чтобы нас не заметили прохожие, мы поползли по узкому балкону. Затем, перебравшись с одной балюстрады на другую, оказались прямо над портиком Хартмана.

Уже отсюда доносились голоса.

Мы осторожно двинулись дальше и вскоре оказались у окон гостиной. Пришлось присесть, чтобы нас не заметил какой-нибудь особенно внимательный полицейский.

Штора на окне, возле которого я устроился, прилегала неплотно, и через узкую щель мне удалось заглянуть внутрь.

Комната была просторной и богато обставленной. В камине ярко горел огонь. Рядом стоял большой письменный стол с поднимающейся крышкой, за которым сидел полный дряблый мужчина лет пятидесяти пяти с язвительным выражением лица. Его серые глаза смотрели хитро и настороженно. У него были крупный нос и коротко подстриженная серая борода.

Рэй прошептал, что это и есть Хартман.

У камина, нервно сидя на самом краю стула, находился прилично одетый мужчина. Судя по всему, тоже немец. Шляпу он держал в руках. По виду это был трудолюбивый мастеровой, явно чувствовавший себя не в своей тарелке.

Мы наблюдали за их разговором, но не смогли разобрать ни одного слова. Было видно лишь, что толстяк держался властно и высокомерно, тогда как посетитель поневоле проявлял крайнюю покорность.

Полчаса мы не сводили с них глаз. Однако ничего больше узнать не удалось, и пришлось вернуться в соседний дом, а затем выйти на улицу.

Ещё около двадцати минут мы ждали появления посетителя. Наконец он вышел, и мы последовали за ним до угла Найтсбридж, напротив отеля «Хайд-Парк». Там мужчина сел в автобус.

Позже он сошёл на углу Грейс-Инн-роуд и пешком направился к дому на Харпер-стрит в Блумсбери. Впоследствии мы выяснили, что он снимал там комнату под именем Леон Карфф.

Характер поручения, которое мог получить этот человек, оставался неизвестным. Однако в загадочной записке, не дававшей нам покоя, действительно упоминалась Харпер-стрит.

На следующее утро уже в шесть часов я бесцельно прохаживался у перекрёстка Харпер-стрит и Теобалдс-роуд. Лишь три часа спустя иностранец вышел из дома и направился к Холборну. Там он сел в автобус до Слоун-стрит, снова посетил Хартмана и провёл у него около полчаса.

После этого Карфф отправился прямо домой. Было уже около полудня, а меня ждали в суде, поэтому пришлось прекратить наблюдение.

Однако вскоре после пяти Рэй вошёл в наши комнаты и сразу объявил:

— Всё, как я и предполагал! Карфф ездил в больницу к Штайнхайму. Я ждал его там, потому что был уверен: рано или поздно он навестит пострадавшего. Судя по всему, Штайнхайм передал ему какие-то указания.

— Какие именно?

Рэй лишь пожал плечами.

— Мы сделали ещё один шаг к разгадке, дорогой Джек. Но продвинулись пока совсем недалеко.

Он взял с моего стола копию зашифрованной записки и снова принялся её изучать. Особенно его озадачивали цифры «6.11». Он возвращался к ним снова и снова.

Четыре дня мы неотступно следили за Карффом и ходили за ним повсюду. На пятый день Рэй провёл за наблюдением всё утро. Чтобы сменить его, я незадолго до часа дня вышел на Теобалдс-роуд и, как обычно, остановился у масляной лавки на углу.

Но Рэя там не было.

Я прождал его весь холодный день, затем вечер и продолжал утомительное дежурство до полуночи, однако он так и не появился.

Сильно удивлённый, я вернулся в Нью-Стоун-Билдингс. Там меня ждала телеграмма, отправленная Реем в три часа с вокзала Ватерлоо. Он сообщал, что всё в порядке, и просил ждать дальнейших известий.

Я подчинился.

Целую неделю пришлось терпеть и ждать, не зная, где находится Рэй и что с ним произошло. Было очевидно, что он напал на след, ведущий к разгадке, но о своём местонахождении не сообщал ни слова.

Одно было ясно: в Лондоне его уже не было.

Через одиннадцать дней после его исчезновения я получил ещё одну телеграмму, на этот раз отправленную из Чичестера. Рэй просил немедленно приехать в гостиницу «Куинс» в Саутси, где обещал встретиться со мной в десять часов вечера.

В назначенный час я ждал его в своём номере, окна которого выходили на Саутси-Коммон и гавань. Наконец он вошёл. По серьёзному выражению лица я сразу понял, что произошло нечто необычное.

— Карфф догадался, что я за ним слежу, Джек. Теперь тебе придётся заняться наблюдением. Он работает у торговца овощами на Куин-стрит, неподалёку от Харда. Что именно он задумал, я пока не выяснил.

Мне досталось непростое дело — загадка, которую я всеми силами старался раскрыть.

Следующие две недели я почти непрерывно наблюдал за Карффом. Иногда меня сменяла хорошенькая дочь начальника верфи, чей дом, к счастью, находился прямо на её территории. Мы следили за немцем в любую погоду и в любое время, но не обнаружили ничего подозрительного.

Рэй тем временем оставался в гостинице, раздражённый вынужденным бездействием. Признаюсь, не раз мне начинало казаться, что он ошибся в своих предположениях.

Насколько мы могли судить, Леон Карфф был обычным трудолюбивым иностранцем, которого обстоятельства вынудили зарабатывать скромным ремеслом помощника торговца овощами. Его хозяин снабжал фруктами и овощами офицерские столовые нескольких кораблей, стоявших на верфи. Время от времени Карфф сопровождал его в лёгкой повозке, когда тот объезжал клиентов и принимал заказы.

Такой объезд хозяин совершал трижды в неделю.

Однажды в субботу утром я без дела прохаживался по Харду и увидел, как Карфф и его хозяин, человек по фамилии Митчелл, проехали через главный въезд мимо полицейского.

Я прождал больше трёх часов, рассчитывая увидеть их возвращение, но повозка так и не появилась.

Это показалось мне странным.

Я обошёл верфь и направился к воротам «Юникорн» в Ландпорте. Осторожно расспросив дежурного полицейского, я узнал, что Митчелл выехал один. По словам полицейского, его помощника отправили пешком с каким-то поручением к главным воротам как раз в полдень, когда рабочие верфи, которых здесь называли «приятелями», заканчивали смену и выходили наружу.

Но я сам стоял у этих ворот, когда оттуда хлынула толпа, и был совершенно уверен, что Карффа не было в толпе рабочих.

Не поделившись ни с кем своими подозрениями, я вернулся в Саутси, глубоко задумавшись.

Выслушав меня, Рэй немедленно позвонил Вере в Адмиралтейский дом. Через час мы уже втроём обсуждали положение.

Было решено, что дочь адмирала поможет нам ночью тайно попасть на верфь, когда всё успокоится, чтобы мы могли разыскать исчезнувшего немца.

Незадолго до половины двенадцатого мы остановились перед небольшой частной дверью в стене, окружавшей верфь, которой пользовались начальник и члены его семьи. С первым ударом часов дверь открылась, и перед нами появилась Вера.

В следующую секунду мы оказались на запретной территории.

Ночь была морозной и слишком светлой для наших целей. Вера дала жениху несколько указаний, затем показала на ряд длинных тёмных сараев с покатыми крышами на противоположной стороне верфи.

— Если он всё ещё внутри, то почти наверняка прячется где-то возле четвёртого сарая. Но будьте осторожны с полицией. Там патрули особенно внимательны.

Закрыв за нами дверь, она исчезла в темноте.

Держась в тени, мы бесшумно двинулись вперёд. Благополучно миновали двое шлюзовых ворот, лежавших на открытом месте, и продолжили путь.

Неподалёку от сарая, на который указала Вера, мы обнаружили старый паровой котёл и спрятались внутри.

Едва успели забраться туда, как послышались размеренные шаги полицейского. Он прошёл всего в нескольких метрах от нашего укрытия.

Через круглое отверстие в стенке котла был виден Госпорт — бледная цепочка фонарей на противоположной стороне гавани.

Мы ждали, не решаясь говорить даже шёпотом, пока часы наконец не пробили час ночи.

Если Карфф находился возле сарая, рядом с которым мы спрятались, то ничем себя не выдавал. Вокруг царила полная тишина. Лишь однажды её прорезал резкий гудок корабля, стоявшего на Спитхеде. Затем отголоски стихли.

— Думаю, теперь можно осмотреться, — после долгого молчания предложил Рэй.

Мы выбрались из укрытия и, не покидая темную сторону, обошли четвёртый сарай. Он оказался закрыт. Дверь была заперта на прочный засов и висячий замок.

Ничего рассмотреть не удалось.

Тогда мы решили спрятаться в темноте за кучей металлолома, прислушиваясь, не раздается ли поблизости какой-нибудь шум.

Резкий ветер пробирал нас до костей: землю уже покрывал белый иней. Единственным звуком были размеренные шаги ещё одного полицейского. Они приблизились, а затем снова стихли вдали.

Немецкий шпион так и не появился.

— Через дверь ему не попасть, — заметил мой спутник. — Значит, он должен был пробраться через крышу.

— Ты прав. Оставайся здесь и наблюдай, а я попробую подняться наверх.

Я оставил Рэя и после немалых усилий сумел взобраться на крышу соседнего сарая. Там я устроился в жёлобе между двумя покатыми кровлями.

По обе стороны от меня поднимались ряды застеклённых фонарей, освещавших внутреннее пространство судостроительных цехов. Стёкла были покрыты толстым слоем пыли и копоти, которую годами выбрасывали трубы военных кораблей и десятки расположенных вокруг печей.

Внизу царила полная темнота, и сначала я ничего не мог разобрать.

Я просидел наверху около двадцати минут, прежде чем решил осторожно проползти к дальнему концу жёлоба. Там меня ждала неожиданная находка: два стекла были аккуратно вынуты из рамы и сложены рядом.

Я заглянул через отверстие внутрь и сразу увидел слабый свет электрического фонаря в руке человека, которого мы искали.

Карфф стоял возле длинного веретенообразного корпуса новой подводной лодки, установленной на высоком стапеле в дальней части цеха. Внизу, в доке рядом с ней, находилась ещё одна лодка того же типа, но менее готовая.

Карфф медленно и бесшумно двигался вдоль корпуса, тщательно изучая новейшую английскую подводную лодку. По слухам, это было самое бесшумное и совершенное судно такого рода.

Даже при слабом свете я заметил, что она сильно отличалась от изображений других подводных лодок, которые мне доводилось видеть. Нос корпуса вытягивался вперёд, образуя подобие клюва. Вместо обычной небольшой круглой или овальной рубки вдоль большей части лодки тянулась длинная узкая надстройка, значительно более высокая в носовой части, чем в кормовой. Кроме того, судно, по-видимому, имело необычно большое число винтов.

Карфф быстро делал заметки. Он был так поглощён работой, что ни разу не посмотрел вверх. Сделай он это, то наверняка заметил бы мою голову на фоне неба.

По его движениям было ясно, что он хорошо знаком с устройством подводных кораблей. Он ходил от одной лодки к другой и внимательно осматривал обе.

Примерно через полчаса Карфф сел на скамью. Прикрыв фонарь так, чтобы свет не отражался от стен и металла, он достал лист бумаги и спокойно набросал два чертежа новейшего английского военного судна — вид сбоку и сверху.

Оставив его за этим занятием, я спустился к Рэю. Он прятался у самой воды. Я рассказал ему обо всём, что увидел.

— Отлично! — воскликнул он. — Значит, я всё-таки правильно понял зашифрованную записку. Позволим ему закончить работу, а затем заставим отдать записи. Они станут прекрасным доказательством против него.

Мы стали ждать, не сводя глаз с места, где он должен был спуститься, и стараясь даже не дышать слишком громко, чтобы не спугнуть его раньше времени.

Часы на верфи пробили три, но шпион всё не появлялся.

Прошло ещё полчаса напряжённого ожидания. Я заметил, что Рэй начинает беспокоиться.

Наконец часы пробили четыре. Едва стих последний удар, как совсем рядом раздался плеск. В следующую секунду мы увидели мужчину в белой рубашке, плывшего прочь.

— Это он! — выдохнул я. — Он прорезал выход в стене сарая!

Но тут из темноты выскользнула лодка, которой управляла женщина, до этого скрывавшаяся поблизости.

Это была Вера.

Мы оба бросились вниз по ступеням, сели в лодку и стали грести по направлению к пловцу. В то же время с другой стороны к нему быстро приближалась ещё одна лодка, также ожидавшая сигнала.

Шпион изо всех сил старался добраться до неё, но мы настигали его быстрее.

Рэй по-немецки приказал ему сдаться. Карфф отказался и продолжал плыть.

Однако нам удалось отрезать его от лодки, к которой он стремился. Увидев, что сообщник обнаружен, гребец развернулся и скрылся во тьме.

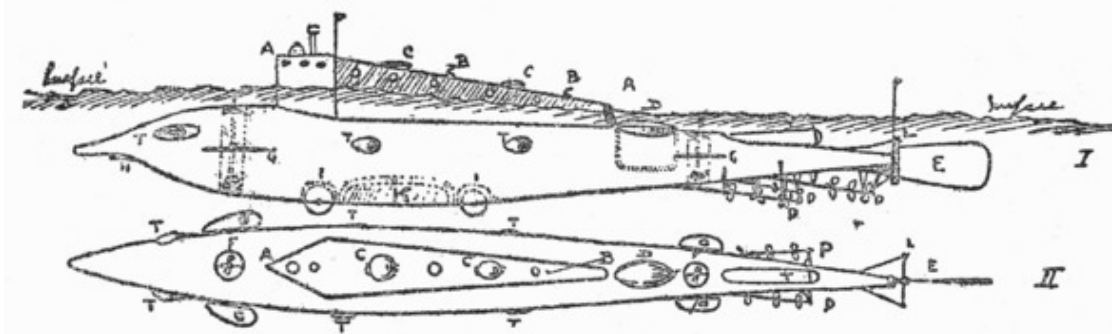
Некоторое время шпион ещё пытался сопротивляться, но вскоре, брошенный и обессиленный, был вынужден подчиниться и забраться к нам в лодку, чтобы не утонуть.

Полуживой и совершенно беспомощный, он позволил себя обыскать. В поясе, в непромокаемом кармане из клеёнки, мы нашли записи и чертёж, которые я видел у него в цехе.

Карфф, мрачный и едва не захлебнувшийся, отказался что-либо объяснять, хотя хорошо говорил по-английски и превосходно писал на нём. Это доказывала надпись на составленном им плане новой лодки.

Мы высадили его у Каменных ступеней на стороне Госпорта. Перед тем как уйти, предупредили: если он немедленно не покинет страну, его арестуют.

И всё же английские законы устроены настолько нелепо, что я сомневаюсь, смогли бы мы передать его полиции, даже если бы захотели.

ЧЕРНОВОЙ ЧЕРТЁЖ НОВОЙ БРИТАНСКОЙ ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ, СОСТАВЛЕННЫЙ ЛЕОНОМ КАРФФОМ

Буквы на чертеже соответствуют найденным вместе с ним пояснениям:

АА — боевая рубка;

ВВ — телефонные буи;

СС — люки;

Д — спасательная шлюпка, отсоединяемая;

Е — руль;

FF — шахты с горизонтальными винтами;

GG — горизонтальные рули;

Н — люк из водолазной камеры;

П — колёса в нишах;

К — отсоединяемый аварийный груз в нише;

Л — румпель;

TTTT — торпедные аппараты;

RRRR — гребные винты.

I. Вид сбоку, в положении с частично погружённым корпусом.

II. Вид сверху.

Масштаб: полдюйма на двенадцать футов.

Мы переправились обратно к причалу у вокзала Портсмут-Харбор. Проводив Веру домой, мы вернулись в гостиницу «Куинс» в Саутси. Там, запершись в номере Рэя, принялись изучать план новой подводной лодки и записи шпиона. Они были составлены по-немецки, но в переводе звучали так:

Отчёт Леона Карффа, бывшего старшего слесаря Кильской верфи, о подводной лодке F-2, строящейся в четвёртом цехе Портсмутской верфи.

После завершения постройки водоизмещение лодки составит, по моим расчётам, около семисот тонн, возможно немного больше. Её длина — приблизительно сто восемьдесят футов, а наибольшая ширина, немного впереди середины корпуса, — около двадцати футов.

Лодка оборудована тремя гребными валами, на каждом из которых установлено по три небольших четырёхлопастных винта. Поскольку на судне, по всей видимости, применены турбинные двигатели неизвестного мне типа, предполагаю, что центральный вал предназначен исключительно для заднего хода. Винты на нём, судя по устройству, могут при помощи специального механизма поворачиваться лопастями вдоль потока, чтобы не тормозить лодку при движении вперёд.

Двигатели этой подводной лодки относятся к типу, которого мне прежде видеть не приходилось. Вероятно, они сочетают новый газогенераторный двигатель с турбинной системой. Смесь газа и воздуха воспламеняется, после чего образовавшийся поток разделяется и одновременно поступает в турбину по нескольким каналам.

Если установка способна обеспечить необходимую мощность, такая система должна быть очень экономичной. Кроме того, под водой она значительно безопаснее бензиновых двигателей.

Судя по конструкции, лодка рассчитана на длительное движение с корпусом, почти полностью скрытым под водой. Большая часть верхней поверхности носа защищена довольно толстой бронёй. Передняя часть надстройки образована двумя шестидюймовыми плитами из крупновской стали, сходящимися под острым углом и формирующими подобие форштевня.

Пространство между этими плитами, очевидно, служит боевой рубкой. Здесь установлены перископ, штурвал, переговорные трубы и всё необходимое для управления судном.

На лодке имеются два горизонтальных винта, или вентилятора, которые, по всей видимости, приводятся в движение электричеством от аккумуляторной установки. Они предназначены для горизонтального погружения. Иными словами, лодка не ныряет носом, а опускается в воду, сохраняя горизонтальное положение.

Эти винты размещены в вертикальных шахтах, проходящих через весь корпус: одна находится в носовой части, другая — в кормовой. Подобное устройство применялось на ранних подводных лодках Норденфелта, Уоддингтона и некоторых других конструкциях.

В носовой части расположены шлюзовая и водолазная камеры, как на лодках системы Лейка. Благодаря им водолазы могут выходить из судна и возвращаться в него под водой. Кроме того, камеры могут служить путём спасения экипажа при аварии.

Для той же цели в кормовой части надстройки предусмотрена отсоединяемая шлюпка или кесон, рассчитанный, по моим оценкам, на десять, а возможно, и на двенадцать человек.

Имеются также устройства, которые я считаю телефонными буюми для связи с поверхностью.

Лодка вооружена шестью торпедными аппаратами: одним носовым, одним кормовым и четырьмя бортовыми — по два с каждой стороны. Кроме того, предусмотрено место ещё для шести восемнадцатидюймовых торпед.

Для обычного управления служит длинный вертикальный руль. Также имеются четыре горизонтальных руля, расположенных рядом с горизонтальными винтами. Предполагаю, что они действуют автоматически вместе с ними, поскольку, судя по всему, соединены с валами этих винтов.

В средней части корпуса находится крупный отсоединяемый аварийный груз, свободно помещённый в специальной нише.

Кроме того, лодка снабжена четырьмя широкими колёсами на шарикоподшипниках. В отличие от лодок системы Лейка, они не убираются внутрь корпуса, а постоянно выступают наружу почти на половину своего диаметра.

Впрочем, при движении на воде они будут создавать сопротивление не намного большее, чем киль. Колёса полностью независимы и никак не связаны с внутренними механизмами. Опираясь на них при движении по дну, лодка будет получать тягу от собственных гребных винтов.

При движении с почти полностью погружённым корпусом она станет крайне малой и почти неуязвимой целью.

— Поразительно, — сказал я, закончив перевод. — Но что заставило тебя решить, что зашифрованная записка относится именно к новой подводной лодке?

— Больше всего меня озадачивали цифры «6.11», — ответил Рэй. — Наконец я понял, что они обозначают «F-2». Буква F — шестая в алфавите. А F-2 — номер нашей новейшей и самой мощной подводной лодки, существование которой Адмиралтейство хранило в строжайшей тайне.

— А «Ройял-Пир»?

— Так называется гостиница, где Штайнхайм останавливался в Саутси. Число восемнадцать — номер его комнаты. Из собранных мною сведений стало ясно, что Макс Штайнхайм собирался начать расследование, поддерживал тайную связь с Хартманом и должен был встретиться с Карффом под часами на вокзале Чаринг-Кросс.

Рэй немного помолчал и продолжил:

— До этого Штайнхайм с помощью хитрой уловки получил сведения о новых заграждениях при входе в Портсмутскую гавань от рядового инженерных войск по имени Джеймс Уорд. Я встречался с ним. Его семья живёт в Грейт-Уэлдоне.

Уорд внезапно понял, к своему ужасу, что человек, которому он доверился, — немецкий шпион. Он проследил за Штайнхаймом до Гилфорда, напал на него в поезде и оставил, считая мёртвым. Именно поэтому Штайнхайм отказывается давать показания полиции.

Когда неделю назад я встретился с Уордом, он рассказал, как по собственной наивности попал в ловушку, устроенную хитрым немцем.

— Теперь у тебя есть доказательства, изложенные чёрным по белому, — заметил я. — Они должны убедить кого угодно. Наверное, ты снова посетишь Штайнхайма? Он ведь всё ещё в больнице.

— Нет. Мы пока будем молчать. Если покажем, что нам известно, Хартман насторожится. В этом нет необходимости. Мы не позволили отправить в Германию план новой подводной лодки. Пока этого достаточно.

Мой друг поднял шторы и посмотрел на розовый рассвет, занимавшийся над водой.

ЧЁРНЫЙ ХОД В АНГЛИЮ

— Странно, — заметил я, закрывая дверь старой курительной комнаты с дубовыми панелями в Мэтфилд-парке и возвращаясь к креслу, где сидел мой друг Рэй Реймонд.

— За дверью кто-то был? — насторожился он.

— Немецкая горничная миссис Хилл-Мейсон. Помнишь, Вера вчера показала её нам?

— Гм... И она подслушивала, когда все остальные уже легли спать? Да, Джек, это действительно странно.

Было уже больше часа ночи. После событий в Портсмуте прошло два месяца, но всё это время мы не сидели без дела.

Мы устроились перед огромным открытым камином, где ярко горели поленья. Остальные мужчины уже разошлись по комнатам, унося с собой свечи, и мы спокойно обменивались наблюдениями, не подозревая, что дверь осталась приоткрытой.

Однако я услышал шорох женской юбки, тихо подошёл к выходу и успел заметить, как служанка одной из гостей скрылась в коридоре, ведущем в погружённый в темноту большой зал.

Мэтфилд-парк, находившийся в трёх милях от Мелтон-Констебла в Норфолке, принадлежал семье Джослинов. Это был прекрасный старый дом эпохи Тюдоров, стоявший посреди обширного парка, где всегда устраивали отличную охоту на фазанов.

Наследник поместья, Гарри Джослин, учился вместе с нами в Баллиол-колледже, поэтому нас с Рэем обычно приглашали на охотничьи встречи. На этот раз среди гостей оказались также Вера Вэлланс и её тётя, миссис Мортимер, что особенно радовало Рэя.

В доме собралась блестящая компания: известный морской офицер, командовавший первоклассным крейсером, двое армейских офицеров и несколько светских дам. Сэр Герберт и леди Джослин вращались в самых изысканных кругах.

Вечером несколько женщин присоединились к нам и курили сигареты у камина. Разговор долго не выходил за рамки обычной светской болтовни. К часу ночи все разошлись, и в комнате остались только мы с Рэем.

Над широким камином был высечен в камне герб Джослинов и дата — 1573 год. В углу у окна стояли старинные доспехи, по которым время от времени пробегали отблески пламени. Через длинное незанавешенное окно лился яркий лунный свет. Едва я снова сел, часы над конюшней пробили половину второго.

Мы гостили здесь уже четыре дня, и охота шла прекрасно. Накануне Рэй сослался на плохую погоду и остался в доме, проведя большую часть дня с Верой.

Он как раз рассказывал мне, чем они занимались, когда я обнаружил подслушивавшую женщину.

— Интересно, чем наш разговор так привлёк эту горничную? — задумчиво произнёс он, глядя в огонь. — Для немки она довольно хороша собой, не находишь?

— Да. Но кто такая миссис Хилл-Мейсон? Она кажется шумной, полной женщиной, любит выставлять напоказ драгоценности, смуглая, слишком любезная и помешана на бридже.

— Гарри говорит, что его мать познакомилась с ней прошлой зимой в Каире. Она из сомерсетской ветви Мейсонов и приходится сводной сестрой графине Тэнет.

— Значит, её хорошо знают?

— Разумеется. Но завтра нужно попросить Веру выяснить, откуда у неё появилась эта служанка, — сказал Рэй. — Женщина явно заинтересовалась нами, и мы должны понять почему.

— Я ей почему-то не доверяю. Перед обедом встретил её в большом зале и заметил, каким странным взглядом она на меня посмотрела.

— Тебе показалось, старина. Просто потому, что она немка, — рассмеялся Рэй, вытягивая длинные ноги.

— Но то, что ты рассказал о Вере и её открытии, меня встревожило, — сказал я, бросая в огонь остаток сигары.

— Да. Она только на прошлой неделе вернулась из Эмдена, где навещала свою бывшую немецкую гувернантку. Теперь та замужем за чиновником строительного управления германского Адмиралтейства. Благодаря ей Вере удалось узнать очень многое. Думаю, эти сведения доставят нашим лордам Адмиралтейства немало неприятных минут.

— Что сказала бы британская общественность, узнав правду: Германия стремительно строит тайный флот?

— Дорогой мой, общественность просто назвала бы тебя лжецом, — усмехнулся он. — Каждый англичанин уверен, что его страна стоит выше всех, хотя британская дипломатия — если не считать усилий нашего короля — давно стала посмешищем для остальных держав.

Он немного помолчал.

— Но теперь правда раскрыта. Весь вчерашний день мы с Верой готовили сведения, которые она сегодня вечером отправила в Адмиралтейство. Я сам послал письмо заказной почтой из деревни. Власти ей многим обязаны. Она добыла то, чего наша тайная служба так и не сумела получить. Как дочь адмирала, Вера смогла сообщить точные данные о кораблях, которые сейчас тайно строятся, и о местах их постройки.

— Правительство наверняка отнесётся к этому со всей серьёзностью.

— Боюсь, оно, как всегда, постарается отмахнуться. Мы сами приглашаем врага к вторжению, — вздохнул он, поднимаясь. — Пойдём спать. А завтра присмотримся к этой слишком любопытной горничной.

Всю ночь меня преследовал взгляд немки. Я никак не мог его забыть.

Может быть, постоянная охота на германских шпионов начинала действовать мне на нервы?

На следующий день предстояла охота в Старлингс-Вуд, примерно в пяти милях от поместья. Рэй уже отказался участвовать накануне и не хотел делать это снова. Поэтому по его предложению я нашёл предлог остаться дома вместе с дамами.

Утро я провёл, гуляя по парку с Верой. В короткой твидовой юбке и мехах она выглядела изящной и живой, а её весёлая болтовня не смолкала ни на минуту. От неё я узнал ещё несколько подробностей поездки в Эмден.

— Рэй очень взволнован, мистер Джейкоккс, — говорила она. — Разумеется, расспрашивать приходилось чрезвычайно осторожно, но мне всё-таки удалось узнать то, что было нужно. Вчера я отправила все сведения в Адмиралтейство.

Пока мы шли по широкой буковой аллее, я рассказал ей о странном происшествии в курительной комнате.

— Рэй уже упомянул об этом перед завтраком, — сказала она, взглянув на меня своими ясными глазами. — Я успела расспросить миссис Хилл-Мейсон. Оказывается, Эрну Штольберг порекомендовала ей одна знакомая, когда она в прошлом году была в Дрездене. Горничную считают образцовой служанкой, и в Англии у неё много друзей. Раньше она служила у французской баронессы.

— Миссис Хилл-Мейсон часто бывает среди военных, не так ли? Вчера кто-то говорил, что она вдова генерала и хорошо известна в Олдершоте.

— Кажется, да.

— Если она действительно гостит в домах офицеров, у этой любопытной горничной появляется множество возможностей собирать сведения. Я намерен за ней проследить.

— Я тоже, мистер Джейкоккс, — ответила дочь адмирала, плотнее запахивая каракулевый воротник.

Через полчаса мы в открытом экипаже отправились к охотникам в лес. Там в шатре подали обед.

Однако я вернулся в дом раньше остальных и стал чаще появляться возле помещений для прислуги. С дворецким Уильямсом мы были в хороших отношениях. Встретив его в большом зале, я начал расспрашивать о слугах гостей.

— Среди них есть немка, верно? — спросил я.

— Да, сэр, — ответил он. — Довольно странная особа, как мне кажется. После того как она помогает хозяйке переодеться к обеду, одна уходит гулять и порой возвращается очень поздно. Зачем ей понадобилось бродить в темноте, никто не знает. Но мне не положено вмешиваться, сэр. Она ведь служанка гостя.

Я не стал делиться подозрениями, но решил установить наблюдение.

Чаепитие в большом зале, которым руководила леди Джослин, прошло в обычной шумной и беспечной манере. Однако, поднявшись к себе, чтобы переодеться к обеду, я заметил, что кто-то явно перебирал и осматривал бумаги в моём дорожном чемодане.

В тот вечер я не вышел на обед.

Услышав удар гонга и дождавшись, пока гости перейдут в столовую, я надел тяжёлые ботинки, пальто и кепку. Затем прошёл чёрным ходом вдоль старого крыла дома, пересёк курительную комнату и вышел на подъездную аллею.

Я спрятался за кустами остролиста, откуда хорошо просматривался большой мощёный двор с входом для прислуги, и стал терпеливо ждать.

Ночь была тёмной и пасмурной. Часы над конюшней пробили половину девятого. Прошло ещё около двадцати минут, прежде чем послышались шаги. Из арочного прохода во двор вышла женская фигура в плотно сидевшей шляпке и длинном тёмном пальто.

Она прошла совсем рядом, попав под свет фонаря, и я сразу узнал светловолосую женщину, которую поджидал.

Вместо того чтобы направиться по аллее к воротам, она свернула на тропинку, пересекавшую парк. Та тянулась примерно на милю: сначала огибала озеро — старинный рыбный пруд монахов, живших здесь до закрытия монастырей, — затем уходила в тёмную сень рощицы и выводила к ступенчатому переходу через высокую парковую стену. За ней начиналась главная дорога на Ист-Дерем.

Я последовал за Эрной. Тропинку я знал хорошо.

Она поднялась по ступеням, перебралась через стену и вышла на дорогу. Я осторожно приблизился и выглянул из укрытия. Женщина повернула направо и остановилась у обочины примерно в тридцати ярдах от меня.

Из своего укрытия я слышал, как она медленно ходит взад и вперёд. Очевидно, кого-то ждала.

Минут через десять донёсся шум приближавшегося автомобиля. Его мощные фары залили ярким светом грязную дорогу. Подъехав к женщине, машина замедлила ход и остановилась.

Это был большой лимузин. Человек внутри открыл дверцу, и Эрна, кратко поздоровавшись, села в салон.

Я вглядывался в темноту, раздосадованный тем, что не успел разглядеть того, с кем она встречалась по ночам. Как только дверца захлопнулась, шофёр выехал на середину дороги, сдал назад, развернулся и быстро помчался в ту сторону, откуда приехал.

Пока автомобиль разворачивался, я выбрался на дорогу и двинулся вдоль живой изгороди, пытаясь рассмотреть номер.

Но ничего не вышло. Табличка была залеплена грязью.

Разочарованный и основательно проголодавшийся, я вернулся через парк в дом. Уильямс раздобыл для меня кое-какую еду, после чего я присоединился к гостям за бриджем.

В тот вечер Эрна Штольберг вернулась без пяти одиннадцать. Позже, когда мы с Рэем поднялись наверх, я рассказал ему обо всём, что видел.

На следующую ночь я не стал идти за ней, а в половине одиннадцатого заранее занял место у дороги. Ровно через десять минут автомобиль вернулся и высадил женщину.

Номера и спереди, и сзади снова были скрыты под слоем грязи — на мой взгляд, намеренно. Мужчина в салоне пожал ей руку, когда она выходила, но его лица я не разглядел.

Неужели это был тайный любовник?

Судя по времени, она уезжала не далеко. Машина каждый раз появлялась и исчезала со стороны Холта.

На следующий день я несколько раз наблюдал за Эрной вблизи. Глаза у неё были посажены необычно близко, губы тонкие, скулы высокие. В остальном она выглядела вполне привлекательно.

Миссис Хилл-Мейсон, разумеется, ничего не знала о ночных автомобильных поездках своей горничной.

Подозревала ли сама Эрна, что за ней следят, я не мог понять. На следующую ночь, когда наблюдение взял на себя Рэй, она из дома не вышла. Зато ещё через день отправилась на обычную встречу. Рэй проследил за ней до парковой стены, но узнал не больше моего.

Вера, конечно, живо интересовалась результатами наших наблюдений. Через свою горничную Бэтсон она выяснила, в какой комнате поселилась немка. Однажды утром, когда Эрна была занята у хозяйки, я с немалым риском пробрался туда.

Тщательно осмотрев её вещи, я обнаружил в сундуке небольшую плоскую жестяную коробку, покрытую тёмно-зелёным лаком. Она была прочной и запиралась на замок известной марки.

Что находилось внутри?

Узнай я номер загадочного автомобиля, личность ночного посетителя удалось бы установить без труда.

Но в тот же день, когда я нашёл коробку, миссис Хилл-Мейсон вернулась в Лондон, забрав с собой таинственную фрейлейн.

Прошло ещё три дня. Я уже склонялся к тому, чтобы счесть всю историю простым совпадением странных обстоятельств. Вера с тётей уехали погостить в Вустершир, а мы с Рэем тем утром собирались отправиться в Лондон.

Однако он вошёл в мою комнату и неожиданно заявил:

— Я пока не поеду в Лондон, Джек. Отправляюсь в Кромер.

— В Кромер? — переспросил я. — Не самое подходящее время для поездки к морю.

В тот же серый холодный день, когда уже начинало смеркаться, мы сидели на скамье Кромерского пирса и смотрели на море, за туманным горизонтом которого лежало германское побережье.

Кроме нас, на пирсе никого не было.

На скале позади возвышался длинный красный фасад гостиницы «Отель-де-Пари» с многочисленными фронтонами, где мы остановились. Дальше виднелась старая квадратная церковная башня, служившая ориентиром морякам от Хейсборо-Гат до Даузинга.

— Здесь у нас есть шанс наткнуться на что-нибудь интересное, — сказал Рэй, набивая трубку.

По выражению его умного гладко выбритого лица я понял: он снова попал на след шпионов.

— Тебе никогда не приходило в голову, — продолжил он, — что восточное побережье, где мы сейчас находимся, — самое уязвимое место Англии и первая цель кайзеровской армии? Каждый германский солдат и моряк мечтает о «Дне» — о том дне, когда ступит на этот берег.

Уже несколько лет наше разведывательное управление знает о германских планах вторжения. Таких планов существует несколько, но в каждом первом шагом предусмотрены внезапный удар и неожиданная высадка на побережье Норфолка, Саффолка или Эссекса.

Именно эти сведения заставили лорда Робертса покинуть Национальный комитет обороны и выступить с пламенными речами о грозящей стране опасности.

— И чем страна его отблагодарила? — перебил я. — Над ним только смеются.

— Да, — с горечью согласился мой друг. — Общество пребывает в неведении и потому не желает слушать. Все охотно рассуждают о могуществе нашего флота, забывая, что германская дипломатия — самая искусная и коварная в мире.

Когда наступит «День», никто ещё не будет подозревать о начале войны. Официального объявления, конечно, тоже не последует. Прежде чем мы поймём, что война уже началась, противник успеет прочно закрепиться на британской земле.

— Если высадку действительно планируют на этом побережье, здесь наверняка действуют шпионы, собирающие всё, что может пригодиться захватчикам.

— Именно поэтому я и приехал сюда, дорогой Джек. Мы знаем, что немцы разделили наши восточные графства на районы. В каждом из них работают один или несколько тайных агентов.

Они отмечают запасы продовольствия и фуража, кузницы, автомобили, пригодные для перевозок, способы уничтожения телеграфных и телефонных линий, удобные позиции для артиллерии и лучшие пути наступления на юг, к Лондону.

Можешь не сомневаться: сейчас германские агенты весьма основательно проверяют наши топографические карты.

Вечер мы провели без дела в гостинице. На следующий день наняли автомобиль и через Рантон отправились в Шерингем, а затем проехали ещё три мили по холмам к «чёрному ходу в Англию» — месту, одинаково забытому и теми, кто отвечал за оборону страны, и самим обществом.

Это был Уэйборн.

Дорога из Шерингема спускалась по крутому Фокс-Хилл к небольшой деревне, уютно расположенной в стороне от моря. Миновав церковь, мы резко свернули направо и через несколько минут оказались перед широкой полосой открытого берега.

Выйдя из машины, мы прошли некоторое расстояние вдоль прибоа, пока шофёр уже не мог нас услышать.

Тогда мой друг сказал:

— Вот одно из мест, выбранных немцами для высадки. Посмотри внимательно. Здесь всё благоприятствует наступающей армии. Гряда холмов, через которую мы только что переехали, будет немедленно занята десантом. Оттуда противник сможет контролировать всю местность — от Келлинга, который виден справа, далеко на юг за Кромер и до Бакстона, за Мандесли.

Повернувшись спиной к длинным волнам прибоа, я посмотрел в сторону суши, на гряде холмов, уходившую вдаль в обоих направлениях. Место и в самом деле идеально подходило для вражеской высадки: глубокая вода подходила почти вплотную к берегу.

— Из-за нашей безграничной веры во флот и чудеса дипломатии за этим участком побережья больше никто не следит, — сказал Реймонд, стоявший рядом, плотно закутавшись в дорожное пальто: ветер был пронизывающим. — А ведь раньше, когда вторжение в Англию считалось возможным, это место тщательно охраняли. Сама природа создала здесь все условия для высадки неприятельской армии.

Мы прошли ещё некоторое расстояние вдоль берега, где серо-зелёная вода разбивалась о сушу белой пеной. Вдруг мой друг остановился, достал из кармана лист бумаги и, повернувшись спиной к морю, принялся зарисовывать неровные очертания синих холмов. Они тяну-

лись от поста береговой охраны в Солтхаусе справа до возвышенностей за Аппер-Шерингемом слева — тех самых позиций, которые противник должен был занять в первые часы нападения.

Рэй не объяснил, зачем ему понадобился этот рисунок, и я молча наблюдал за ним.

Наконец мы вернулись к автомобилю и поехали в глубь страны, к деревне Уэйборн — сонному старинному селению, от которого море со временем отступило. Когда машина выехала на главную дорогу, Рэй велел шофёру остановиться.

Он спустился, огляделся, сначала изучил телеграфные провода, тянувшиеся вдоль дороги, а затем мы вместе прошли по деревне. Взгляд моего спутника не упускал ничего. Казалось, он запоминал каждую особенность этого ничем не примечательного места.

Когда мы уже возвращались к машине, он внезапно остановился.

— Иди вперёд. Мне только что пришла одна мысль.

Рэй повернул обратно и направился к маленькой деревенской почте, находившейся рядом с трактиром. Отсутствовал он почти четверть часа.

— Так я и думал, — тихо произнёс он, вернувшись. — Трактиром владеет немец.

Затем мы отправились в Клей-некст-зе-Си, оттуда через Кэндлстик-Хилл и лесистые окрестности Холта вернулись в Шерингем, где пообедали в гостинице «Берлингтон».

Поведение Рэя изменилось. Он снова стал серьёзным и задумчивым. Достав купленную утром в Кромере велосипедную карту района, он разложил её на столе курительной комнаты и принялся измерять расстояния полоской сложенной бумаги.

В четыре часа автомобиль уже ждал у входа. Мы уже собирались садиться, когда я случайно поднял глаза на третий этаж гостиницы.

Увиденное заставило меня затаить дыхание. Из одного окна за нами наблюдало чьё-то лицо.

Я толкнул друга локтем.

— Смотри!

Но когда он поднял голову, лицо уже исчезло. Оно показалось всего на мгновение, однако я слишком хорошо его помнил и не мог ошибиться.

Это была фрейлейн Штольберг.

Когда автомобиль понёс нас через город, я рассказал об этом Рэю. Он лишь удивлённо хмыкнул и сообщил, что мы едем в Беклс.

Что эта женщина делала здесь, вместо того чтобы сопровождать хозяйку, которая, как нам удалось выяснить, гостила теперь в Челтнеме?

Сначала мы вернулись в Кромер, а там выехали на прямую дорогу в Норидж через Эйлшем. Примерно в четырёх милях от Кромера дорога раздваивалась. Левая вела к нашему месту назначения, однако по указанию Рэя мы выбрали правую.

В сгуставшихся сумерках автомобиль пересёк широкую пустошь, которая, как я позже узнал, называлась Роутон-Хит. Мы миновали старую ветряную мельницу и въехали в небольшую деревню Роутон с кривыми улочками.

Проехав ещё около четверти мили за деревню, мы спустились с дороги и дальше пошли пешком. Вскоре перед нами появился просторный, удобный дом старинного вида, вероятно построенный ещё во времена королевы Анны. Он стоял за высокой стеной из красного кирпича.

Остановившись у железных ворот, я увидел перед домом широкую лужайку и ступени, ведущие к портику. Позади находились большой фруктовый сад и луг. Шторы уже опустили, но в нескольких окнах горел свет. Дом выглядел ухоженным.

Он мало чем отличался от сотен старых загородных домов, однако почему-то чрезвычайно заинтересовал Рэя. Пройдя мимо ворот и оказавшись вне поля зрения обитателей, он достал электрический фонарь и внимательно осмотрел грязную дорогу.

— Смотри! — воскликнул он, указывая на следы колёс, входившие во двор и выходившие обратно. — Машина здесь!

— Какая машина?

— Та самая, которая забирала немецкую горничную из Мэтфилда, — спокойно ответил он. — Пока нам этого достаточно. Нужно торопиться, иначе не успеем в Беклс до восьми. А если опоздаем, поездка окажется бесполезной.

Мы поспешили обратно к автомобилю. Шофёр выбрал просёлочную дорогу и снова вывел нас на главное шоссе возле Торп-Маркета.

Вскоре после половины восьмого мы остановились перед гостиницей в старом торговом городке Беклс, в тени низкой квадратной церковной башни.

Машину поставили в гараж. Выпив по стаканчику, мы вышли прогуляться по тихим старинным улицам. На одном из углов нам встретилась почта — большой двухэтажный дом старой постройки с крутой черепичной крышей.

— Стой здесь, — сказал мой спутник. — Незадолго до восьми сюда, вероятно, придёт отправить письмо темноволосый мужчина в светло-сером пальто и кепке для гольфа. У него тёмно-каштановая борода, и обычно он носит белый шарф. Когда появится, проследи, куда он пойдёт. Он может знать меня в лицо, поэтому мне лучше не показываться.

Я закурил трубку и стал прохаживаться неподалёку, не выпуская из виду почтовый ящик. Часы в окне прямо над ним показывали без четверти восемь.

Я делал вид, будто рассматриваю витрины маленьких лавок. Примерно без четырёх минут восемь из-за угла со стороны городского зала выехал закрытый автомобиль и остановился перед почтой.

Из него вышли двое. Один — сравнительно молодой светловолосый мужчина. Другой, значительно старше, с тёмной бородой, был одет в толстое серое пальто и белый шарф.

Это был тот человек, которого я ждал.

Я вошёл в почтовое отделение сразу вслед за ними, сделав вид, что хочу купить марки. Однако старший уже передал письмо для отправки заказной почтой. Разглядеть адрес мне не удалось.

Оба явно спешили. Едва служащий выписал квитанцию, они снова сели в автомобиль и уехали в ту сторону, откуда приехали. А я остался беспомощно стоять на противоположной стороне улицы.

После того как вернулся в гостиницу, доложил обо всём ожидавшему меня Рэю. Тот схватил шляпу и вместе со мной направился к почте.

Остановившись посреди дороги, он осмотрел следы колёс, ещё хорошо различимые на влажной поверхности.

На обратном пути он сказал:

— Знаешь ли ты, Джек, что немцы выбрали Беклс штабом армейского корпуса, который высадится в Уэйборне? Положение здесь почти идеальное: город стоит на возвышенности и господствует над всей окружающей местностью. Сигналы с той церковной башни будут видны на много миль вокруг.

Позже, когда мы торопливо ужинали в гостиничной столовой, он сказал:

— Сегодня ночью вернёмся в Кромер, но завтра я поеду в Лондон. А ты дождёшься моего возвращения?

Так я почти на неделю остался один.

Вернувшись, Рэй объявил, что мы должны немедленно перебраться в Лоустофт. В тот же вечер мы отправились на юг, прибыли около полуночи и остановились в гостинице «Эмпайр» с многочисленными балконами.

Сам город несколько не интересовал моего спутника. Зато каждый день мы совершали оттуда долгие автомобильные поездки, исследуя всю местность к югу до Олдборо и к западу до Бери-Сент-Эдмундса.

Мы объехали дороги вокруг Саутуолда, Банги, Саксмундема, Стоу-Маркета и многих других городов. Казалось, Рэй всякий раз преследовал одну и ту же цель — найти следы колёс таинственного автомобиля.

Гаражи в каждом городе Рэй посещал один, но все расспросы неизменно заканчивались ничем.

Однако однажды поздним вечером, когда мы ехали по дороге между Уаймондемом и Диссом, он внезапно крикнул шофёру остановиться, выпрыгнул из машины и принялся изучать следы колёс.

В этом месте дорога была твёрдой, и ему потребовалось некоторое время, чтобы определить, в какую сторону проехал автомобиль.

— Они направились на север! — наконец с удовлетворением заявил он.

Мы продолжили путь к Уаймондему. Там машина останавливалась у гостиницы «Олд-Грин-Дрэгон», а затем снова тронулась и свернула на просёлочную дорогу, ведущую к Бракон-Эшу.

— Ага! — воскликнул Рэй. — Значит, они и в самом деле заняты делом.

Но свет уже угасал, и, к нашему раздражению, пришлось снова отказаться от погони. Через Хемпнолл и Банги мы вернулись в Лоустофт.

На следующее утро мы рано приехали к тому же месту, однако всю ночь шёл сильный дождь, и следы исчезли.

Ещё неделю мы безуспешно разъезжали по округе. Однажды, находясь примерно на полпути между Нориджем и Эйлшем, мой друг заметил колею, выходящую с узкой просёлочной дороги.

Мы остановились. Рэй тщательно осмотрел следы и объявил, что это именно те, которые мы искали, причём совсем свежие.

Сильно взволнованные, мы немедленно двинулись по следам. Они вёли через Эйлшем и Норт-Уолшем, а затем, на дороге к морю у Хейсборо, неожиданно сворачивали на другую просёлочную дорогу.

Здесь Рэй решил оставить машину и идти дальше пешком. Мы прошли почти две мили, пока впереди не показалась железнодорожная линия между Норт-Уолшем и Ярмутом.

Сойдя с дороги, мы увидели стоявший неподалёку тот самый автомобиль, который я заметил в Беклсе. Впереди находились двое мужчин. Одного из них я сразу узнал по серому пальто и белому шарфу.

Они стояли под железнодорожным мостом и внимательно его осматривали.

— Отмечают на своём плане как объект для уничтожения, — процедил Рэй. — После высадки они разрушат все пути сообщения. Но, клянусь, мы ещё с ними поквитаемся.

Почти полчаса мы тайно наблюдали, как они изучают железную дорогу в нескольких местах. Когда мужчины уехали, мы двинулись следом по дороге, вдоль которой в Хейсборо тянулись шесть телеграфных линий.

— Эти провода, — заметил Рэй, — выходят в одну из прямых линий связи с Германией. Они проходят через Беклс, так что можешь не сомневаться: шпионы исследовали их самым тщательным образом.

В Хейсборо следы повернули налево, а затем снова направо, к Уолкоту. Когда мы переезжали через невысокий холм, впереди показался стоящий автомобиль.

Двое мужчин фотографировали местность от Пастона в глубь страны, в направлении Уиттона.

Мы тоже остановились и стали следить за ними.

Вскоре они продолжили путь, а мы поехали следом. На перекрёстке наши дороги разошлись: они повернули на запад, мы же направились на север и к вечеру снова оказались в Кромере.

В тот вечер в гостинице нас ждало поразительное открытие.

Эрна Штольберг жила там одна под именем мадам Хирш.

Первым её заметил Рэй. Она сидела в читальной комнате, и он позвал меня. Я заглянул в дверь и сразу узнал её. На женщине были бледно-голубая шёлковая блузка и чёрная сетчатая юбка. Откинувшись в кресле, она читала иллюстрированный журнал и явно не подозревала о нашем присутствии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.